

Санкт-Петербургский государственный университет

ЦВЕТКОВА Мария Дмитриевна

Выпускная квалификационная работа

**Вариативность фольклорной формулы
(на материале былины «Дюк Степанович
и Чурила Пленкович»)**

Уровень образования: бакалавриат

Направление 45.03.01 «Филология»

Основная образовательная программа СВ.5036. «Отечественная филология
(Русский язык и литература)»

Научный руководитель:

д. филол. н., профессор,

Кафедра русского языка,

Садова Татьяна Семеновна

Рецензент:

старший преподаватель, Кафедра

рекламы и общественных

коммуникаций, Государственное

автономное образовательное учреждение

высшего образования Ленинградской

области «Ленинградский

государственный университет имени

А.С. Пушкина»,

Куликовская Екатерина Николаевна

Санкт-Петербург

2024

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Язык русской былины: специфика языка, формульность.....	9
1.1. Специфика языка фольклора как научная проблема.....	9
1.2. Фольклорная формула (ФФ) и язык былины.....	11
1.3. Былина «Дюк Степанович и Чурила Пленкович»: общая характеристика.....	16
1.4. Выводы из главы.....	19
Глава II. Вариативность былинной формулы: лингвистический анализ.....	21
2.1. Опыт структурно-содержательного членения былинного текста: «сюжетный блок формул» (СБФ) и «тематический блок формул» (ТБФ).....	21
2.2. ТБФ «Предложение щапить» как начальный элемент СБФ «Щегольство»: композиция и формульный состав.....	25
2.3. ТБФ «Предложение щапить»: анализ ядерных формул.....	31
2.3.1. Оформление реплики (п. а. / ант. / г.).....	34
2.3.2. Битье об заклад.....	44
2.3.3. Сведения о сути / сроке проведения состязания.....	56
2.3.4. Изложение условий заклада (требований к участникам)...	64
2.4. Выводы из главы.....	73
Заключение.....	74
Источники.....	76
Литература.....	77
Словари.....	82
Приложения.....	84
Приложение 1. Выходные данные 38 записей былины «ДС и ЧП»....	84
Приложение 2. Показательные примеры СБФ, ТБФ и ФФ.....	85
Приложение 3. Реализации ТБФ «Предложение щапить».....	89

Введение

Настоящая работа выполнена в русле исследований, посвященных одной из сложнейших проблем фольклористики – изучению языка фольклорного текста (далее – ФТ), составившему с недавнего времени предмет отдельного междисциплинарного направления, – лингвофольклористики¹. В нашем случае, объектом лингвистического анализа стал язык былины.

В качестве теоретической базы исследования ожидаемо выступают основательные труды по проблемам изменчивости и устойчивости фольклорного текста, специфики его композиции и структуры единиц, его составляющих, а именно – работы П.Д. Ухова, К.В. Чистова и Г.И. Мальцева, а также ряд работ по лингвофольклористике, проблемам вариативности и формульности ФТ (см. список литературы на с. 79).

Из формулировки темы ВКР работы ясно, что в центре внимания окажется один из элементов ФТ в целом и былины в частности – фольклорная формула (далее – ФФ). Проблема выявления ФФ внутри ФТ (былины) – это многоаспектная проблема, до сих пор не решенная окончательно, несмотря на большой корпус исследований по этому вопросу (см. напр. работы И.П. Черноусовой, Е.Б. Артеменко, О.А. Егоровой, И.В. Лозового и др.). Требуется предметное уточнение терминологии, используемой при работе, а также выявление основных сугубо лингвистических черт, присущих ФФ, учет которых позволил бы в большинстве случаев (и в каждом конкретном случае) относительно легко вычленять ФФ внутри ФТ (былины). Этому вопросу во многом посвящается первая глава ВКР.

Формульность отмечается всеми исследователями как конституирующий признак фольклорного текста вообще, а проблема его вариативности (и варианта) – одна из главнейших проблем фольклористики,

¹ «Термин “лингвофольклористика”, удачно введенный курским ученым А.Т. Хроленко, покрывает область исследований, непосредственным объектом которых является фольклорный текст (общий объект с фольклористикой), а важнейшей лингвистической задачей – описание языка фольклора» [Никитина 2000 – сайт].

точнее, фольклористической текстологии². Проблема стереотипа всегда сопряжена с проблемой его пластичности – «многократной повторной применимости, способности к модификациям, к вариативности», а фольклорная стереотипия проявляется прежде всего в формульности языка фольклора [Чистов 1986: 112–113], то есть проблема формулы как стереотипа неразрывно связана с проблемой ее вариативности.

Решение вопроса о теории фольклорной формулы и уточнение ее определения – составляют **актуальность** работы, выполняемой в аспекте лингвофольклористики и отчасти фольклористической текстологии.

В качестве **материала исследования** выступает текст былины «Дюк Степанович и Чурила Пленкович» (далее – «ДС и ЧП»). К исследованию привлекаются 77 текстов одного былинного сюжета, опубликованных в следующих авторитетных сборниках:

1. СОБ – Онежские былины / подбор текстов и науч. ред. текстов Ю.М. Соколова; М., 1948.
2. ОПБ – Печорские былины / записи Н.Е. Ончукова. СПб, 1904.
3. МББ – Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901.
4. АБС-1/2 – Былины Севера / записи А.М. Астаховой. Т. I, М.–Л., 1938; Т. II, М.–Л., 1951.
5. АБРА – Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева / подг. текстов А.М. Астаховой. Петрозаводск, 1948.
6. ГОБ – Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб, 1873.
7. ПСР-1/2/3/4 – Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Ч. 1–4. М., 1861.
8. ПСК-3 – Песни, собранные П.В. Киреевским. Ч. 1, вып. 3. М., 1861.
9. Был. – Былины / изд. подг. Б.Н. Путилов. Л., 1986.

² См., например, специальный сборник: Проблемы текстологии фольклора. Русский фольклор. Л.: ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), 1991. Т. XXVI.

10. ГАБИП-2 – Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа в 3 т. Т. II. СПб, 2003.

11. РЭПК – Русские эпические песни Карелии / изд. подг. Н.Г. Черняева; науч. ред. Б.Н. Путилов. Петрозаводск, 1981.

12. БПК – Былины Пудожского края (под ред. А.М. Астаховой). Петрозаводск, 1941.

13. Б25-1/4/8 – Свод русского фольклора. Былины в 25 томах Т. I, М.-СПб, 2001; Т. IV, М.-СПб, 2004; Т. VIII, М.-СПб, 2018.

14. БСДС – Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А.В. Маркова / изд. подг. С.Н. Азбелев, Ю.И. Марченко. СПб, 2002.

15. БПЗБ – Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи) / изд. подг. А.М. Астахова, Э.Г. Бородина-Морозова, Н.П. Колпакова, Н.К. Митропольская, Ф.В. Соколов. М.–Л., 1961.

Сужение материала для предметного анализа неизбежно, поэтому в поле зрения настоящей ВКР попадает один блок формул под условным названием «Предложение щापить», обнаруженный в том или ином составе в 38 текстах, о точнее 4 ядерных для него формулы с общими темами «оформление реплики», «битье об заклад», «сведения о сути и/или сроке проведения состязания» и «изложение условий заклада (требований к участникам)».

Запись анализируемых текстов производилась в период с 1859 по 1963 год. В числе сказителей, от которых они были записаны, есть представители различных местных сказительских традиций: пудожской, прионежской, печорской, кижской, мезенской.

Отбор материала для исследования варьирования формулы в пределах а) одной сказительской традиции – индивидуальной (исполнительской) или местной (региональной), либо б) одной собирательской практики, может быть объяснен необходимостью в равнозначности текстов по одному из трех показателей – сказителю, региону бытования и реализации (времени и способу фиксации) текста, так как в этих случаях конечная цель исследования –

установить пределы и способы (т. е. границы) варьирования, санкционированные как раз этими самыми показателями.

В нашем случае, когда речь идет о варьировании формулы в фольклорном языке вообще, безотносительно авторства, региона и проч., ограничение материала по какому-либо из этих показателей представляется неоправданным, поэтому в данной работе разбираются 4 упомянутых формулы во всех доступных авторитетных текстах, а их границы устанавливаются по другим показателям – с ориентацией на базовые позиции классической фразеологии.

Так, квалифицируя тот или иной текстовый отрезок как отдельную формулу, мы обращаем внимание, в первую очередь, на его содержание (семантику) и форму (структуру и компонентный состав ядерной и периферийной зон), которые во всех семантически однородных формулах (то есть в формулах, выражающих одну мысль или идею), как кажется, должны быть если не одинаковы, то предельно близки.

При этом, следует учитывать, что одна и та же тема в различных вариантах может быть реализована не единожды и иметь разное (пусть и сходное в целом) словесное выражение, поэтому для систематизации и конкретизации исследуемого материала в работе выделяются текстовые структуры, более сложные и объемные, чем формула – «сюжетный блок формул» (СБФ) и «тематический блок формул» (ТБФ).

Новизна предпринятого исследования объясняется тремя факторами:

1) выбором текста – былина «Дюк Степанович и Чурила Пленкович» до сих пор практически не исследована (тем более с лингвистической точки зрения);

2) применением в работе в целом нехарактерного для исследования былин научного подхода – исследование отдельной ФФ внутри былины производится, в первую очередь, не с сюжетно-композиционной или исторической (как это делается, напр., в работах О.Ф. Миллера, В.Я. Проппа,

Ф.М. Селиванова, Т.И. Мальцевой, Н.В. Петрова, Р.Ф. Липец, И.В. Лозового, С.Ю. Неклюдова и др.), а с лексико-семантической точки зрения;

3) использованием в работе новой методики анализа, разработанной специально для этого исследования (то есть для анализа ФФ как минимального элемента былинного текста одного сюжета), которая включает элементы описательного, контекстуального, функционально-грамматического и структурно-семантического **методов анализа**.

«О варьировании былинных текстов на уровне сюжета, композиции, состава повествовательных эпизодов, мотивировок, о различиях в интерпретации образов богатырей (а также об истории и хронологии создания былинных текстов, их возможной связи с историей – М.Ц.) писалось значительно больше, чем о варьировании словесного текста (“словесной ткани”)» [Чистов 1986: 152]. Работ, посвященных лингвистическому анализу каких-либо формул, связанных с щегольством, мы не обнаружили – отсюда дополнительные признаки новизны и актуальности предпринятого исследования.

Объектом работы является язык былины в целом и былинной формулы в частности.

Предмет работы – лингвистический анализ 166 контекстов (былинных формул), в том числе 52 реализации формулы «битье об заклад», 44 реализации формулы «оформление реплики», а также более 30 реализаций у формул «суть / срок заклада» и «условия заклада» в составе СБФ «Щегольство» и ТБФ «Предложение щापить» в выбранном аспекте.

Цель ВКР – установить границы вариативности былинных формул, составляющих смысловой центр начального для СБФ «Щегольство» ТБФ «Предложение щापить» в социально-бытовой (новеллистической) былине киевского цикла «Дюк Степанович и Чурила Пленкович».

Целью обусловлены следующие **задачи**:

1) на основе имеющихся лингвофольклористических работ выявить специфические черты языка ФТ и языка былины, как отдельного жанра ФТ;

определить понятия *вариативность* (изменчивость), *традиционность*, *устойчивость* и пр.;

2) изучить проблему формульного характера былины; проанализировать различные точки зрения на проблему определения и выделения фольклорной формулы (ФФ); определить понятие ФФ относительно былины, описать механизмы ее формирования, выяснить особенности устройства и функционирования в данном фольклорном жанре;

3) дать характеристику исследуемому тексту – былине «Дюк Степанович и Чурила Пленкович» («ДС и ЧП»);

4) произвести подробный анализ всех контекстов, отобранных для непосредственного исследования с точки зрения их лексического состава, синтаксической структуры и семантики;

5) установить и описать, каким образом происходит варьирование в этих контекстах; указать, как и на каких уровнях языка былины могут происходить изменения при семантической и функциональной однородности (нормативности) конкретной формулы; ответить на вопрос, как следует классифицировать отдельные контексты – как варианты или как изоморфы, т. е. формулы с совпадающими компонентами, но структурно совершенно разные, при этом функционально выполняющие одну содержательную задачу в тексте классической былины.

Структура работы традиционна. ВКР состоит из введения, двух глав, заключения, 3 приложений и списка литературы, включающего 97 единиц.

Глава I. Язык русской былины: специфика языка, формульность

1.1. Специфика языка фольклорного текста (ФТ)

Фольклор как система – явление традиционное, а традиция есть сочетание стабильности и пластичности, поэтому «любой фольклорный процесс неизбежно приобретает характер движения внутри традиции», ее эволюции и трансформации [Венгранович 2004 – сайт; см. также Селиванов 2009: 33].

Фольклорный текст (далее – ФТ) как вербальная форма, в которой реализуется и сохраняется народная культурно-мировоззренческая традиция, так же сочетает в себе типическое и индивидуальное, причем первое господствует над вторым, обуславливает и определяет его рамки, поэтому каждый ФТ по сути своей неповторим, но все варианты исполнения одного и того же сюжета (*parole*) имеют общую основу, определяемую традицией (*langue*) [Оссовецкий 1975: 66], а «личный почин сказителя может проявиться лишь в рамках сложившейся традиции» [Жирмунский, Зарифов 1947: 426–427 (цит. по Егорова 2016: 271); Чистов 1986: 160–161; Аникин 2004: 10, 35; Азбелев 1982: 263]: при противоречии текста традиции и непринятии его ею текст становится одноразовым, а исполнитель – индивидуальным [Садова 2003: 22, 41; Чистов 2005: 78]. Иными словами, можно утверждать, что у любого ФТ есть такое обязательное качество, как **традиционность** – соответствие как содержания ФТ, так и той словесной формы, в которую оно облекается (т. е. собственно языка ФТ), определенному канону – «обобщенной оценке сущности события, которая отложилась в сознании широкой общественной среды» [Азбелев 1982: 36] – ценностно-мировоззренческим и эстетическим установкам народа, в среде которого этот текст создается и бытует [см. напр. Чистов 1986: 113; Садова 2003: 56; Аникин 2004: 14; Венгранович 2004 – сайт; Лихачев 1967: 100].

Но при этом фольклорный текст – это текст устный, ориентированный на сиюминутность исполнения и использование материала живого языка, поэтому устность, незакрепленность в материальном эквиваленте, как самая

яркая характеристика фольклорного слова, наиболее четко отграничивает его от слова литературно-письменного. Отсюда другая естественная и постоянная черта ФТ, тоже происходящая из устности его бытования и вместе с традиционностью составляющая суть фольклорного языка [Хроленко 1995: 5; Путилов 1994: 190] – **вариативность**, проявляющаяся в ФТ, соответственно, и в сюжетно-композиционном (компонентном) строе текста, и на сугубо языковых его уровнях – фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом (о специфике языка фольклора на различных языковых уровнях: см. напр.: [Оссовецкий 1975: 71–72]), и даже на уровне смысловом. Так, И. П. Черноусова указывает на наличие в ФТ варьирования и многообразия «традиционных смыслов при ограниченном наборе средств выражения, что является одним из проявлений такого свойства устно-поэтического канона, как динамизм» [Черноусова 2012: 109].

Проблема вариативности – одна из главнейших проблем фольклористики и фольклористической текстологии [Чистов 1986: 127–128; Неклюдов 1996 – сайт], так как варьирование – «естественный способ существования традиции», «форма функционирования фольклорного текста» [Чистов 1986: 119, 145; Чистов 2005: 92], «конкретное, зримое, материальное воплощение» постоянного взаимодействия в языке фольклора двух начал – повторяемости и изменяемости, характер и результаты которого фиксируются в конкретных разнолокальных и разновременных записях – вариантах [Путилов 1994: 192 (цит. по: [Бердникова 2011: 8])].

Таким образом, ФТ, являясь «относительно устойчивой комбинацией элементов традиции, реализующейся в каждом акте исполнения» [Неклюдов 1996 – сайт], по природе своей упорядочен и неспонтанен, но при этом каждый раз воспроизводится заново в спонтанных вариантах [Чистов 2005: 55], что сказывается и на его языке. Это уже ставшее аксиомой для фольклористической текстологии утверждение чрезвычайно важно для нашей работы, предполагающей рассмотрение зон вариативности конкретных былинных формул.

Следует также упомянуть, что кроме таких обязательных, гармонизирующих друг друга качеств ФТ, как традиционность и вариативность, исследователи выделяют, например, лаконизм ФТ, происходящий из сложности и глубины тех элементов (слов и синтагм), из которых этот ФТ складывается [Хроленко 1992: 8]. Эта семантическая сложность – результат аккумуляции (накапливания и гармонического уравнивания смысловых и материальных элементов различных временных и региональных пластов), происходящей как на уровне семантики фольклорного слова, так и в народном искусстве в целом [Хроленко 1992: 19].

А.Т. Хроленко также отмечает такие свойства фольклорного слова, как блоковость и ассоциативность. Блоковость – устойчивая ориентированность одного слова на другое внутри ФТ, а ассоциативность – видовое понятие по отношению к блоковости, ее реализация [Хроленко 1992: 65].

Следствием этих свойств фольклорного слова являются характерные для ФТ всех жанров повторы (любого объема – от лексических до описательных), придающие ФТ связность и плавность (об этом см. напр.: [Егорова 2016: 272; Васильева 2004: 12]). С наличием же в ФТ различных повторов непосредственно связана еще одна важная черта его структуры – **формульность**, понимаемая (в самом общем виде) как наличие устойчивых, повторяющихся из текста в текст речевых единиц различной протяженности, представляющих собой своеобразные «композиционные блоки», готовые к использованию в данном тексте данной жанровой формы, в конечном итоге ее маркирующие. Однако вопрос более ясного дефинирования «фольклорной формулы» требует отдельного внимания.

1.2. Фольклорная формула (ФФ) в былине как типе ФТ

Жанр былин предоставляет обширное поле для филологического изучения – известно около 4000 былинных текстов на примерно 100 сюжетов [Петров 2017: 13–14], но, несмотря на это, значительно уступает другим фольклорным жанрам, например, сказке или песне, по объему исследовательской традиции в целом и лингвистической в частности.

Основное внимание исследователей былины до сих пор было сосредоточено в основном на внешних и художественных характеристиках текста – его происхождении, исторической основе, поэтических приемах (см. напр.: [Миллер 1869; Буслаев 1987; Липец 1969; Долгов 2008; Селиванов 2009; Родионов 2009; Козловский 2017]). Исследований, посвященных сугубо языковой специфике былинного текста, например, его внутренней структуре, лексическим и грамматическим особенностям, сравнительно мало. В этой связи нельзя не упомянуть о фундаментальном труде А.А. Потебни «Из записок по русской грамматике», в котором былинный текст часто выступает в качестве иллюстративного материала для демонстрации грамматических особенностей устной поэтической речи (напр.: [Потебня 1941, IV]).

Следует при этом заметить, что труды по текстологии былины в отечественной научной традиции имеются, однако в качестве объекта исследования в них фигурируют в основном не специфически фольклорные текстовые единицы, а единицы вообще языковые: слова-концепты, устойчивые словосочетания, фразеологизмы, повторы, колоративы, эпитеты, имена собственные, исконная и заимствованная лексика, окказионализмы, диалоговые конструкции и проч. (см. напр.: [ПС 2019; Кузьмина 2014; Степанова 2018; Докукина 1995, 1997 и 1998; Топорова 2014; Харитонов 1996; Фатиева 2015; Колотова 2018; Супряга 2020; Киреева 2001]).

Между тем, среди других жанров фольклора былина выделяется особым поэтическим строем: она сочетает в себе повествовательность и стихотворность, эпичность и лиричность, что дает особую устойчивость «глубинной структуры» былины как закрытого текста, допускающую варьирование словесной ткани в гораздо большем объеме, чем это возможно в других типах ФТ, при «высокой степени фразеологизации слов, которые чаще используются в составе разного рода устойчивых сочетаний» [Кузьмина 2015: 8]. Сказанное во многом определяет этот жанр как наиболее подходящий для исследования вопроса о словесной вибрации в фольклоре в целом [Чистов 2005: 93].

Как всякий фольклорный текст, былина ожидаемо характеризуется традиционностью, вариативностью и формульностью (или эпической стереотипией: [Астафьева 1993: 2]). Это слияние константного и подвижного внутри былины позволяет одновременно выявлять механизмы стабилизации и варьирования [Чистов 1986: 161] на всех ее уровнях – от композиционного до словесного, в том числе, и на уровне формульном.

Изучение любого ФТ неизбежно так или иначе приводит исследователей к проблеме его формульности, однако в фольклористике до сих пор нет ни конкретного описания того, что следует называть формулой, ни устоявшегося определения этого термина – на это указывают и сами ученые [Лозовой 2011: 12; Селиванов 1988: 81]. Круг понятий, используемых для наименования компонентов фольклорного (в частности – былинного) текста чрезвычайно разнообразен: «элементарный эпический сюжет» [Петров 2017: 77], «мотив» и «группа мотивов» [Прохоров 2002: 412–415, 435; Миронов 2020: 29], «стабильная словесная формула» и ее «звено» [Волков 1957: 103], «блок», «предикативное звено блока», «модель построения блока» [Артеменко 1993: 60–65], «модель» и ее «субзвенья» [ЧА 2004: 145] и проч.

Для настоящей работы чрезвычайно важным этапом оказывается формулировка (хотя бы) рабочего определения термина «формула».

Так, **формулой в широком смысле** (с общефилологической или лингвистической точки зрения) может называться любой «художественный стереотип», «традиционный символ» – от слова и словосочетания до целого описательного эпизода [Венгранович 2004 – сайт; Егорова 2016: 274; Артеменко 1993: 57; Хайрнурова 2013: 4–5].

Что же касается **формулы фольклорной**, то наиболее популярной и потому наиболее разработанной точкой зрения на ее значение и функцию внутри ФТ является лингвокультурологическая (или концептуальная) точка зрения, в соответствии с которой формулы – это «устойчивые языковые и

речевые образования, несущие в себе кванты традиционной культурной информации» [Артеменко 2005: 100].

Таким образом, формула с этой точки зрения – это прежде всего «устойчивый культурно-языковой штамп», «комплекс традиционных значений», воплощение специфического для фольклора «тождества формы-смысла» [Мальцев 1989: 45; Лозовой 2011: 12]. При этом «при всей своей “сквозной” каноничности формула менее всего является какой-либо неподвижной окаменелостью» [Мальцев 1989: 53] – эта способность к вариации (вибрации), «осуществлению определенного выбора возможностей, которые находятся в синонимических отношениях» и составляют т. н. «резерв традиции» [Чистов 1986: 135; Чистов 2005: 73], присущая и всему ФТ в целом, отличает ФФ от формулы литературной и является следствием того, что существование художественного текста заканчивается сразу после публикации, а фольклорный текст существует прерывно, воспроизводясь в момент исполнения и долгое время сохраняясь в народной памяти.

С понятием формулы в научном дискурсе непосредственно связано понятие **общего** (или типического) **места** (*locus communis*), причем некоторые исследователи (см. напр.: [Мальцев 1989: 132; Лозовой 2013: 17; Чистов 1986: 114; Позднеев 1964: 69; Артеменко 1993: 57; Лазутин 1981: 47]) используют эти термины как синонимы, хотя еще Милмэн Пэрри отделил формулу как повтор словосочетаний («групп слов, регулярно используемых в одних и тех же метрических условиях для выражения данной основной мысли») от повторов эпизодических [Лорд 1994: 42]. Под общими местами понимаются «формульные образования, изображающие готовые эпические картины» [Черноусова *Хвастовство* 2012: 98], привычные описания повторяющихся (стереотипных) ситуаций, действий, речей, часто встречающихся в былинах различного содержания сюжетных положений, коллизий [Аникин 2004: 358]. Именно возможность перемещения от текста к тексту безотносительно сюжета отличает общие места от мест переходных [Ухов 1957: 130; Гильфердинг 1949: 57 (см. Артеменко 1993: 67;

Егорова 2016: 270–271; Аникин 2004: 358)] (ср. Лозовой 2013: 15 – «переходные места» как тип общих мест, «особые микросюжеты»)³.

Совокупность общих мест составляет фабулу произведения [Лозовой 2013: 12]. Это надформульные структуры, формулы функционируют внутри них и являются их смысловыми доминантами. Более того, формула как репрезентация определенного концепта может быть закреплена за конкретным общим местом в тексте [Черноусова 2012: 107] (так, например, в былинах т. н. концепты «награждение» и «хвастовство» обычно связаны с княжеским пиром), но в целом ФФ интертекстуальна и композиционно подвижна. Она, с одной стороны, реализуется как составная часть, элемент конкретного текста, а с другой, будучи компонентом традиции, не связана ни с одним определенным текстом или сюжетом [Черноусова 2012: 107, Мальцев 1989: 71; Ухов 1957: 94].

Таким образом, **фольклорная** (в т. ч. былинная) **формула** – это отрезок ФТ, характеризующийся, как и сам ФТ, сочетанием традиции и вариативности (то есть включающий как константные – «ядерные», так и изменчивые – «периферийные» – элементы), устойчивостью («постоянством в процессе передачи традиции», употребляемостью и повторяемостью в текстах разного времени и на различные сюжеты – см.: [Разумова 1984: 21; Егорова 2016: 273]), структурно-семантической стабильностью и целостностью, а также объемом, оптимальным для выполнения внутритекстовой функции формулы, т. е. для выражения того концентрированного концептуального значения, которое в ней заключено.

При всей обширности данного здесь определения оно кажется полным и вполне отвечающим задачам настоящего исследования, а именно – оно подчеркивает как формальные, так и содержательные признаки ФФ, а также

³ Доп. см. Аникин 1980: 142–143 – общее место = мотив; Астафьева 1993: 26 – общее место ≠ мотив, но мотив при своей типичности для различных эпосов, участия в формировании основных сюжетных звеньев, устойчивом лексическом выражении и повышении детализированности элементов может оформиться в общее место.

учитывает поэтическую прагматику текста и жанра, т.е. – поэтическую роль формулы.

1.3. Былина «Дюк Степанович и Чурила Пленкович»: общая характеристика

Былина о Дюке Степановиче и Чуриле Пленковиче интересна, как минимум, по трем причинам: 1) она редко упоминается в известных научных работах о былинном эпосе; 2) она малоисследована, тем более – в лингвистическом аспекте; 3) она содержит не столь часто повторяющийся былинный сюжет, что составляет ее содержательную особенность.

Былина «ДС и ЧП» – это социально-бытовая [Миронов 2021: 13–14] или новеллистическая [Петров 2017: 32–34] былина драматического склада [Габель 1927: 317], принадлежащая к Киевскому циклу⁴ [Веселовский 1888: 158 (см. Липец 1969: 77); Веселовский 2013: 210].

Традиционно название былины, кроме ее содержания (напр., «Обретение силы Ильей Муромцем», «Победа над войском Тугарина» и под.), указывает и на «статусную» иерархию героя (напр., «Илья Муромец и Идолище», «Вольга и Микула Селянинович», «Чурила Пленкович и Катерина» и под.). Уже в названии былины отражается противопоставление богатыря и его противника – важнейший для былин в целом композиционный принцип [Лазутин 1981: 39] (хотя в сборниках записи этого текста гораздо чаще

⁴ См. другие мнения на этот счет: В. Я. Пропп относит эту былинку к эпохе образования централизованного русского государства, когда начался переход эпоса из плоскости героической в плоскость социально-бытовую, реалистическую [Пропп 1999: 373–374], М. Г. Халанский тоже называет Дюка «богатырем Московского периода» и считает целесообразным относить былинку о нем не к киевскому циклу (по месту действия), а к московскому (по деталям быта и обстановки) [Халанский 1885: 144]. В. П. Аникин называет былинку «галицко-волынкой», видимо на основании упоминаемой в тексте родины Дюка, и относит время ее создания к эпохе соперничества Киева и Галича, указывая на то, что былина «возвеличивает Галицко-Волынскую землю, противопоставляет ее Киеву» [Аникин 2004: 333–334]. А. А. Прохоров считает, что былина создавалась в период борьбы язычества и христианства сразу после крещения Руси, а считает, что Дюк Степанович является «аграрным божеством, несущим плодородие», представителем «иноного мира», по природе своей языческого, антихристианского [Прохоров 2002: 441–446].

фиксируются под названиями «Дюк», «Дюк Степанович», «Про Дюка Степановича», «О молодом боярине Дюке Степановиче» и под.⁵).

Дюк и Чурила – богатыри «верхнего эволюционного среза» [Астафьева 1993: 17], то есть младшего поколения, к которому также можно отнести, например, Михайлу Козарянина, Хотена Блудовича, Соловья Будимировича, Добрыню Никитича, Алешу Поповича и др. Отсюда и характерное смещение ценностных приоритетов внутри жанровой традиции – в более поздних текстах богатство становится «экономическим выражением героизма богатыря» [Петров 2017: 235], определяя его положительный статус в системе персонажей эпоса⁶. Ценность и объем богатства выясняются главным образом в ходе соперничества героев.

«Тема поединков и соперничества – одна из наиболее репрезентативных в былинах». Она может реализовываться в форме дорожной встречи-поединка или спора вследствие хвастовства на пиру (с последующим испытанием силы или богатства героев), но в обоих случаях строится «нанизывающая композиция», состоящая из различных или нарастающих эпизодов, в основе которой лежит прием ретардации (то есть замедления действия путем повышения в тексте описательной составляющей, усиления детализации, что максимально приближает время действия ко времени исполнения – Лихачев 1967: 239), указывающий, наряду с диалогами и повторениями, часто включаемыми исполнителями в такие «замедленные» сцены, на содержательную важность этих эпизодов [Астафьева 1993: 15–16; Габель 1927: 315–318; Лазутин 1981: 45].

⁵ Отметим, что предпочтение, оказываемое названиям подобного рода, не противоречит специфике былины, предполагающей выделение главного героя в соответствии с его ролью в тексте: «главным действующим лицом считается тот герой, который хвастает, либо отвечает на чужое хвастовство» [Козловский 2017: 57].

⁶ Показательный пример, доказывающий наличие такого смещения и его соответствие «иерархии потребностей общества» [Козловский 2009: 214], приводит В. В. Колесов, рассуждая об эволюции семантики слова изящный, которая проходит следующие стадии изменения: 'исключительный, выделяющийся силой > славой > богатством > красотой, чувством стиля' (путь от богатыря до богача) [Колесов 2007: 286].

Такими ключевыми эпизодами в рассматриваемой былине можно считать щегольство, прыжок через реку (испытание скорости и ловкости коней) и опись имущества (то есть сцены, в которых происходит непосредственное, деятельное состязание двух богатырей – Дюка и Чурилы), комбинация которых выделяет анализируемый текст в ряду других былинных текстов, делает его уникальным, образуя его концептуальное ядро.

Но «у каждого героя в былине, ему посвященной, проявляется превосходная, вернее, беспредельная степень какого-либо качества» [Селиванов 1988: 77]⁷, и таким качеством по отношению к Дюку и Чуриле выступает их «щাপливость» (то есть склонность и способность к щегольству) – в ней состоит сакральность героев, именно эта черта приносит им удачу [Козловский 2009: 201], поэтому особую значимость приобретает в былине сцена щегольства, которая и станет объектом нашего исследования. Она является смысловой (и – часто – композиционной) доминантой текста и, соответственно, во многом играет сюжетобразующую роль, так как оба героя маркированы в традиции в первую очередь как богачи-щеголи, а уже потом – как воины-богатыри. Кроме того, щегольство представляет собой в определенном отношении фрагмент описательный, а описание в динамическом по преимуществу жанре былины появляется только в том случае, если оно связано с непосредственной направленностью излагаемого сюжета, с его основным конфликтом, ведущими событиями [Скафтымов 2003: 93 (цит. по: Киреева 2001: 125)]. Характерно, что в неканоническом тексте о Дюке, спасающем царевну (35), а также в компилятивном тексте, где сюжет о Дюке и Чуриле только вплетается в сюжет о Добрыне (79), из всех трех состязаний сохраняется только щегольство.

⁷ Это осознается и самими создателями-исполнителями былин: см., напр., такой характерный для былин зачин: *Нету на силу Самсонову, // Что того же Самсона Колыбанова, // Нет на счастье осударя Ильи Муромца, // На вежество Добрынюшки Никитича, // На ярость Олёшеньки Поповича, // На именье Садка – купца богатого, // На злату казну Дюка сына Степанова* (88) или следующую реплику матери Добрыни: *Я бы рада бы ты, дитятко, спородити // Я талантом-участью в Илью Муромца, // Я бы силой в Святогора да богатыря, // Я бы смелостью во смелого Алешу во Поповича, // Я походкою тебя щапливою // Во того Чурилу во Пленковича* [Был.: 452].

1.4. Выводы из главы

Итак, былина как фольклорный текст развивается и закрепляется в форме множества различных вариантов, ни один из которых при этом не противоречит культурной традиции и национальному мировоззрению. Это сочетание изменчивости и устойчивости в рамках былины проявляется и на уровне былинной формулы, являющейся результатом высокой фразеологизации и выразительности былинного языка и, с учетом объемности произведений этого жанра, выполняющей в том числе роль мнемонического средства для певца-исполнителя.

При всей многочисленности исследовательской литературы, посвященной жанру былины, следует констатировать, что лингвистическому исследованию язык былины подвергался нечасто и несистемно. Основной массив «былиноведения» – работы исторического, фольклористического или поэтико-жанрового порядка, в большинстве своем не направленные непосредственно на толкование и уточнение термина «формула», хотя формульность былины так или иначе оказывается в поле зрения исследователей. При этом неразработанность понятийной базы и соответственно неоднозначность и противоречивость терминологии приводят к большим трудностям в изучении научного и текстового материала.

Определение фольклорной (былинной) формулы, данное в этой работе с лингвистической (и в некотором смысле – фразеологической) позиции, учитывает как внешние (композиционно-смысловые), так и внутренние (структурные и собственно лексические) характеристики фольклорной формулы, что повышает вероятность точного вычленения массивов одинаковых (или однотипных) формул и их комбинаций (блоков) в группе текстов одного былинного сюжета и упрощает их сравнительный анализ, что несомненно важно для работы с таким исконно пространственным и органически вариативным фольклорным жанром, как былина. Принимая во внимание этот факт как естественный для устно-поэтического творчества в целом, мы берем

за основу исследования тезис о самоценности каждого из вариантов (записей) исследуемой былины «ДС и ЧП» как отдельного текста⁸.

«ДС и ЧП» – былина Киевского цикла, но позднего («младшего») среза, в ней тема героизма метонимически трансформируется в тему богатства и «материальной обеспеченности» героя, а в исходный мотив боевого соперничества вплетается тема соперничества по признаку богатства, поэтому щегольство (как результат хвастовства, похвальбы) становится типичной темой этого цикла. Именно сцена щегольства, а точнее – комплекс былинных формул, оформляющих ее в рамках конкретного сюжета, окажется в центре нашего внимания во второй (практической) главе.

⁸ Термин и объем понятия «вариант» в фольклорной текстологии понимается по-разному [см. напр. Чистов 1986: 136–137; Липатова 2013: 7; Пропп 1999: 24; Аникин 1980: 47, 56]. Для простоты в данной работе будут использоваться термины «вариант» и «текст» как синонимы термина «запись» – «фиксация единичного конкретного акта исполнения» [Чистов 2005: 78–79], а в качестве родового по отношению к ним понятия («совокупность вариантов словесного воплощения того или иного фольклорного произведения» [Чистов 2005: 78–79]) будем использовать термин «былина».

Глава II. Вариативность былинной формулы: лингвистический анализ

2.1. Опыт структурно-содержательного членения былинного текста: «сюжетный блок формул» (СБФ) и «тематический блок формул» (ТБФ)

Каждый фольклорный жанр есть воплощение своеобразного способа поэтизации мира. Былина – это идеализированная риторическая картина (прежде всего) ценностной системы координат русского человека, его морально-эстетический ориентир – в этом состоит чрезвычайно существенный и устойчивый пафос былины как жанра.

Тексты одного сказителя – часть локальной (географически ограниченной) традиции, локальная традиция – это, в свою очередь, часть традиции национальной («как бы ни был оригинален вариант данного исполнителя, в строгом смысле слова это традиционный текст» [Селиванов 2009: 33]). Сквозь эти уровни проходит фольклорная формула (или блок формул) как «гештальт, как образносмысловая целостность, не сводимая к сумме составляющих» [Мальцев 1989: 53], как сгусток важного, постоянно актуального смысла, обусловленного особенностями национального мировосприятия и вписанного в былинную картину мира, «отмеченного» в ней, значимого для нее и потому зафиксированного, закрепленного (и, следовательно, сохраненного).

Фольклорные формулы, как элементы традиции, «выполняют в былине важные идейно-художественные функции» [Лазутин 1981: 47], их сущность заключается прежде всего в закреплении и отображении традиционных смыслов, а не в изображении действительности, «непосредственно существующего»⁹ – отсюда постоянство в них, в первую очередь, смысла, того традиционного представления, которое они в себе заключают, а уже после, как

⁹ Это утверждение, как кажется, отменяет необходимость поиска связей между былинным текстом и исторически реальным миром, характерного для т. н. исторического направления в изучении былин, см. работы В.Ф. Миллера, М.С. Родионова, В.В. Долгова и др.

следствие – стабильность формы, в которую то или иное содержание облекается [Мальцев 1989: 42–43, 53; Черноусова 2015: 24].

Но формула значима не только в контексте традиции как «фрагмент» культурно-мировоззренческой системы, но и на более простом уровне – в тексте, в который она вовлекается и в рамках которого актуализируется. В данном случае, формула (или блок формул) выступает как «представитель» определенной (исторически и сюжетно заданной) пропозиции (наименьшей ситуации / темы / мысли).

Однако способы выражения тождественной мысли (интенции) в рамках одной и той же былины могут быть различны как по форме, так и по содержанию. Так, например, тема «вступление в спор / соперничество» (или более конкретно – «предложение биться об заклад») может быть представлена в былине комплексом разнопространных и разнооформленных формул. Более того, она может реализовываться в тексте не один, а несколько раз, как это происходит в анализируемой нами былине «ДС и ЧП» – герои бьются об заклад трижды: по поводу нарядов (кто кого перещеголяет), богатырской удали (кто сможет перепрыгнуть через реку (и обратно) на богатырском коне) и богатства (у кого больше «животов», то есть имущества, или (чаще) правда ли, что Дюк так богат, как говорит).

Отсюда необходимость выделения в тексте былины неких «надформульных» структур, бóльших по объему и более сложных по строению, чем одна отдельно взятая формула, в состав которых ее можно было бы включить, конкретизировав таким образом ее место внутри текста и, соответственно, ее окружение, контекст, к которому она «привязана», что позволило бы точнее определить ее семантические и структурные характеристики (как уже было сказано выше, при нашем методе анализа эти характеристики являются определяющими для выделения ФФ как единицы ФТ, в данном случае – былины).

Для номинации таких «надформульных» образований в работе используются понятия сюжетный блок формул (далее – СБФ) и тематический блок формул (далее – ТБФ) (при этом ТБФ является составной частью СБФ).

Былинный текст членится по принципу: ФТ (былина) → СБФ → ТБФ → ФФ, причем ФФ, являясь на уровне текста минимальной значимой единицей, на лексическом уровне может быть разложена на более мелкие компоненты, например, внутри нее могут быть выделены устойчивые сочетания (то, что М.А. Докукина называет устойчивыми словесными комплексами (УСК) [Докукина 1997: 4]) или ключевые слова-концепты.

Под **сюжетным блоком формул (СБФ)** понимается такой элемент текста, который значим в нем, в первую очередь, на уровне сюжета: если несколько СБФ поставить друг за другом в определенном (обычно – логически обусловленном) порядке, то получится ряд, который будет соответствовать последовательности событий, происходящих в тексте – она может быть разной в разных вариантах одной былины (в ФТ, как и в тексте литературном, фабула далеко не всегда совпадает с сюжетом, хотя их соотношение и регулируется традицией).

То есть СБФ выделяется в тексте не по структурному или лексическому, а по содержательному принципу – это определенный отрезок сюжета, то, что в киноведческой терминологии, например, называется эпизодом, нечто близкое к фольклорному «общему месту». Так, к СБФ относятся, например, описание пути Дюка из Галича в Киев с преодолением застав, сцена охоты, сцена в киевской церкви, что бы она не включала – только ли знакомство с антагонистом (князем) или и ссору с представителем антагониста (Чурилой Пленковичем или Самсоном Самойловичем) тоже, сцена щегольства, сцена поездки оценщиков в Галич и описи Дюкова богатства, сцена, в которой герои прыгают на конях через реку, и под.

На основании анализа всех 77 вариантов былины было установлено, что всего в былине «ДС и ЧП» 11 таких эпизодов – это зачин, выезд на горы, охота, поездка, церковь, пир, поединки, щегольство, прыжок, опись и исход. Текстов,

где встретились бы одновременно все возможные для данного сюжета 12 СБФ, в изученном корпусе текстов не обнаружено; максимальное число СБФ в одном тексте – 10 (вар. 80); минимальное – 1 (вар. 10, 27, 28, 44).

С точки зрения текстовой функции СБФ делятся на формальные (СБФ «Зачин» и «Исход») и сюжетобразующие.

При этом формальные СБФ отличаются от сюжетобразующих не только функцией, но и структурой – в них не выделяются ТБФ – они делятся сразу на формулы, например, в вар. 56 ТБФ «Зачин» делится на формулы «ввод героя» (*Во той-то во Нижней Малой Галицы, // Во той-то Корелы пребогатыи, // При чесной-то Омелфы Тимофеевны, // Ей сын был да молодой Дюк Степанович, // Молодой да Дюк Степанович, лет семнадцати*) и «описание начальной ситуации» (*Не бывал-то он во граде стольном Киве, // Задумал ехать во стольне Киев-град, // Посмотреть князя да со княгинею, // Русских могучих да богатырей*).

Сюжетобразующие СБФ, в свою очередь, бывают трех типов – «выезд» (СБФ «Выезд на горы», «Охота», «Поездка»), «приезд» (СБФ «Церковь», «Пир») и «соперничество» (классические для былины «ДС и ЧП» СБФ «Щегольство», «Прыжок», «Опись», а также встретившийся единожды СБФ «Поединки», см. вар. 33).

Заметим, что СБФ «Щегольство», в состав которого входит и в контексте которого рассматривается анализируемый ТБФ «Предложение щापить», занимает в тексте исследуемой былины исключительное место. Наряду с СБФ «Прыжок» и «Опись», он входит в группу блоков типа «соперничество», составляющих содержательный и композиционный центр былины; важность такого рода блоков в былинах независимо от предмета соперничества героев отмечается многими исследователями (напр., С. Г. Лазутин: «Кульминацией в сюжете былин является описание сражения или иного состязания богатыря с противником» [Лазутин 1981: 37]).

Каждый СБФ, будучи достаточно объемным образованием внутри текста, при этом достаточно устойчив внутри набора анализируемых текстов¹⁰ и может быть разделен на еще более мелкие текстовые отрезки, которые мы условно называем **тематическими блоками формул** (ТБФ).

Выделяя ТБФ внутри СБФ, мы обращаемся уже не только к проблеме сюжета былинного текста, но и к проблеме его структурной организации. В структуре былины темы снаряжения (одевания) и испытания героя (то есть соперничества посредством щегольства) имеют жанровозначимый характер. Соответствующие ТБФ служат выражению этих тем, являющихся «кирпичиками» более широкого блока – сюжетного, который часто объединяет несколько тем и может включать темы разнопорядковые – разнозначимые и разнообъемные.

2.2. ТБФ «Предложение шапить» как начальный элемент СБФ «Щегольство»: композиция и формульный состав

Так, из названия СБФ «Щегольство» следует, что центральное место в нем занимают ТБФ, связанные с щегольством, точнее – с состязанием в щегольстве двух главных героев былины: приезжего галицкого богатыря Дюка Степановича и первого киевского щеголя Чурилы Пленковича с целью установить, «кто кого перещепит» (38), т. е. перещеголяет.

Первым подобным ТБФ является ТБФ «Предложение шапить», который и будет подробно рассмотрен в рамках данной работы¹¹.

Он выделяется в тексте былины как элемент, отдельные реализации которого в высшей степени близки друг к другу в смысловом отношении: предложение шапить («щеголять напоказ» – см. Даль, ст. «Шапить») выдвигается антагонистом (киевским князем Владимиром) и/или его

¹⁰ Мы не учитываем встречаемость того или иного элемента былинного текста как включенного в традицию, то есть не задаемся вопросом, есть ли тот или иной блок или та или иная формула в других текстах – максимально замыкаемся внутри одного текста и его вариантов.

¹¹ Все 38 вариантов ТБФ «Предложение шапить» см. в Приложении 3 на с. 91.

официальным представителем (п. а. – представитель антагониста) – Чурилой Пленковичем или Самсоном Самойловичем, что в контексте былины одно и то же, так как. эти два персонажа выполняют одну и ту же функцию – выступают в качестве соперника Дюка Степановича в состязаниях, призванных проверить (изначально – опровергнуть) подлинность его богатства (щегольство, опись имущества) или богатырства (прыжок на конях через реку).

Кроме того, этот ТБФ жестко закреплен в тексте – он, как правило, открывает СБФ «Щегольство» (подобным же образом в начале СБФ «Прыжок» и «Опись» располагаются, например, открывающие ТБФ, условно называемые «Предложение прыгать» и «Предложение описи» соответственно). Другие ТБФ внутри СБФ «Щегольство» не так хорошо зафиксированы, их положение и состав варьируются, даже ТБФ «Эффект», обычно закрывающий СБФ, в некоторых случаях встречается в его середине (см. вар. 16) либо оказывается оттеснен от конца факультативным для СБФ ТБФ «Щедрость Дюка» или в целом не присущими ему ТБФ «Заступничество князя», «Наставление Чуриле», «Первая вина». При этом длина рассматриваемого ТБФ по всем записям варьируется от 2-3 до 30 строк, но он всегда состоит из ярко выраженных частей – реплик или повествовательных фраз (это еще одно его преимущество в качестве объекта анализа).

Эти три фактора – семантическая тождественность, внешняя закреплённость и выраженная внутренняя структурированность – позволяют относительно легко и безошибочно вычлени́ть блок в тексте былины, чего не скажешь о других формулах и блоках из-за слишком большого их разнообразия (как формального, так и содержательного), а также из-за невыработанности в науке сколько-нибудь определенных критериев их выделения.

В работе были рассмотрены 88 текстов, проанализированы и предварительно разбиты на формульные блоки 77 былин из 15 сборников (список см. во Введении, с. 4–5). Из них 44 текста включают с той или иной

степенью полноты СБФ «Щегольство»¹², но лишь в 38 из них в его состав входит исследуемый ТБФ «Предложение щापить»¹³. Этот блок гипотетически в случае реализации всех возможных его элементов может включать 20 формул (на практике такого случая обнаружено не было, и блок включал от 1-2 до 11 формул).

Из Таблицы 1 видно, что некоторые из возможных формул в составе ТБФ реализуются крайне редко, например, «призыв не верить Чуриле», «указание на предоставление запрошенного времени», «ручательство героя» и «просьба о поединщике», а также «наставление Чуриле» и «просьба о благословении», в целом не характерные для этого ТБФ, встречаются в его составе только по одному разу. Менее 5 раз встречаются и формулы «согласие на заклад», «предшествующее хвастовство», «доставка платья», «дополнительные условия заключения заклада».

Напротив, наибольшее количество контекстов наблюдается у формул «битье об заклад» (52 контекста в 37 текстах), «оформление реплики» (44 контекста в 29 текстах), «суть / срок заклада» (39 контекстов в 29 текстах) и «условия заклада» (31 контекст в 25 текстах). В таблице они дополнительно выделены цветом.

¹² 33 текста такого блока не включают совсем; еще 4 являются побывальщинами или богатырскими сказками, представлены в прозаической форме, на формулы разбиваются плохо, имеют свою, отличную от собственно былинной, специфику и при анализе не учитываются (еще В. Я. Пропп указывал на то, что «отнять от былины ее напев, исполнить ее в форме прозаического рассказа означает перевести ее в совершенно иную плоскость художественного творчества» [Пропп 1999: 7]); 7 текстов являются дублетами.

¹³ Данные об этих 38 текстах – рабочее условное обозначение (код), ФИО сказителя, от которого был записан тот или иной текст, название текста (присвоенное ему сказителем, собирателем или составителями сборника), место и год записи текста – см. в Приложении 1 на с. 86.

Таблица 1. Формульный состав ТБФ «Предложение щापить»

№	наименование ФФ	номер текста																																							
		1	2	3	4	5	8	9	12	15	16	18	21	22	24	26	30	31	32	37	38	39	41	42	49	52	57	59	61	67	68	79	80	81	82	83	85	86	87		
1	оформление реплики	1	3	1	2			2	2	2	1	2	1	1			1		1	1	2	2	2	1	1	1		2	2	1	1		1	1	2	2	2				
2	обращение		2	1			1	2	1	1		1		1				1		1		1					1		1	1				1	2	1	1				
3	обвинение в хвастовстве		1						1	1	1	1	1	1				1		1	1	1	1	1	1					1					1						
4	просьба о благословении																																			1					
5	битье об заклад	1	1	1	1	1	1	2	2	2	2	1	1	1	1	1	1	1	2	1	2	3	2	1	2	1	1		1	1	1	1	1	1	2	2	4	1	1	1	
6	ручательство героя																																					1			
7	суть / срок заклада	1	2	1					2	2	2	1	1	1	1	1		1	1	1	2	2	2	1		2		1		1	1	1			2	1	1	2	1	1	
8	просьба о поединнике																																					1			
9	условия заклада	1	2	1					2	1	1	1	1		1		1	1	1	2	1	2	1		2		1		1		1			2	1	1		1	1		
10	сумма заклада				1			2							1			1	1		2			1						1	1	1	1		2						
11	доп. условия						1						1							1		1																			
12	цель / наказание				1			1		1			1					1		2			1	1		1			1			1					2	1			
13	положение п. а.				1			1	1		1					1						1													1				1		
14	положение героя		1		1			1	1		1									1	1							1	1						1		1	1			
15	доставка платья		1		1			1																						1											
16	предост. времени				1																																				
17	согласие на заклад						1																					1								1					
18	предш. хваст-во															1																1									
19	призыв не верить Чуриле		1																																						
20	наставление Чуриле		1																																						

Комментарий. Таблица представляет собой схематизированное обобщение результатов работы с различными вариантами ТБФ «Предложение щापить». В первом столбце (№) указаны номера (не порядковые, а количественные) формул, которые могут входить в соответствующий ТБФ в различных комбинациях. Далее указаны условные краткие наименования этих формул, в которых изложен их основной смысл. В следующих столбцах зафиксировано наличие / отсутствие той или иной формулы в составе ТБФ «Предложение щापить» в конкретных записях былины «ДС и ЧП» (номера, присвоенные каждой из них в рамках данного исследования, указаны в шапке таблицы); случаи наличия формулы в ТБФ отмечены цифрами от 1 до 4, так как одна формула может встречаться в ТБФ несколько раз.

Такой результат наводит на мысль о том, что именно эти 4 формулы являются в содержательном смысле «ядерными» для этого ТБФ, что доказывает и практика работы с материалом. Среди рассмотренных версий ТБФ «Предложение щапить» нашелся в том числе и вариант, состоящий исключительно из этих 4 формул (а также несколько вариантов, где к ним были прибавлены еще 1-2 формулы, см. вар. 3, 21, 37, или удалена одна из 4 формул, см. вар. 31, 87):

1. *Тут Чурилушка был ли Плёнкович,*
2. *А билися оны о велик залог*
3. *Щапить-гулять как ровно да три году*
4. *На каждой день видь платье переменные,
Сменные были, переменны. (1)*

Именно они станут объектом наблюдения и анализа в данной работе (всего 166 контекстов). Значимость этих формул для блока подтверждается и на структурном уровне его организации: именно эти формулы чаще всего повторяются в нем несколько раз, незначительно меняя свое содержание в зависимости от контекста, но сохраняя единые или, по крайней мере, очень сходные форму и функцию. Такие повторы являются следствием композиционных особенностей блока: часто он строится по т. н. диалоговой модели¹⁴ (она представлена в 30 текстах из 38), но ее наименование при этом в значительной степени условно, так как в большинстве случаев (23 из 30) среди тех 4 компонентов, которые она подразумевает (и которые входят в нее в различных комбинациях), есть не только компоненты-реплики (реплика представителя антагониста, далее – п. а.; реплика антагониста – ант.; реплика

¹⁴ Заметим, что в поздних (новеллистических) былинах, в отличие от более ранних текстов преимущественно богатырско-героического содержания, диалоговая форма повествования (прямая речь) приобретает небывалую до того значимость и потому преобладает. Это связано с тем, что диалог в былинном тексте играет важную роль – является своеобразным маркером наиболее важных для сказителя (как представителя традиции и «рупора» жанровой картины мира) фрагментов текста, отмечает моменты «наибольшего обострения творческой заинтересованности» [Скафтымов 2007: 95].

героя – г.), оформляющие собственно диалог, но и подытоживающая (закрепляющая / дополняющая) его повествовательная часть (далее – пов.).

Наиболее традиционная схема этой модели может быть записана следующим образом: п. а. + г. + пов., то есть включает реплику представителя антагониста (Чурилы), ответную реплику героя (Дюка) и повествовательную часть. При этом если реплика героя довольно оригинальна в структурно-содержательном отношении (например, **1. Молодой боярин Дюк Степанович // Говорил Щурилу таковы слова: // 2. «Ай жо молодой Щерилушка ты Плёнкович! // Тоби просто бить со мною о велик заклад, // 3. Как живешь ты в своем городе во Киеве. // У вас полны кладовьи-ты одежицы накладены, // 4. У мене есте одежица дорожная, // Мои платица да все завозныи»**), то многие формулы из реплики п. а. в большинстве случаев если не дословно, то близко к тексту повторяются в повествовательной части. Показательным примером для этого может служить вариант ТБФ из текста 81 (см. Таблицу 2).

Таблица 2. Пример дублирования формул в ТБФ

название формулы	реплика п. а.	пов.
оформление реплики	И говорит уж тут Самсонушко Самойловиц:	–
обращение к герою	«И уж как ай же ты, боярин Дюк Степановиц,	–
битье об заклад	И уж как станем битьсе об велик заклад,	И как побились со свет Самсоном о велик заклад,
суть / срок проведения состязания	Об великий заклад да на три годицька, Чтобы ходить да нам с тобой во церковь божию	Об велик заклад да й на три годицька. «И как ходить-то нам с тобой во церковь божию,
условия заклада	И как держать да нам с тобой да цветно платице, Чтобы лучше и того и цвету не было».	Чтобы кажен день было да платье сменное, Платье сменное, да платье цветное, Чтобы лучше и того и цвету не было».

Поэтому неудивительно, что у формул «битье об заклад», «суть / срок заклада» и «условия заклада» так много контекстов, как, впрочем, и у формулы «оформление реплики» – у нее дополнительные реализации появляются как раз за счет введения в блок реплики героя, которая как и реплика п. а. (или ант.) требует оформления (структурно-семантико-функциональная близость всех контекстов такого типа обуславливает возможность и допустимость изучения подобных примеров как различных воплощений одной и той же формулы). Комбинация этих формул действительно складывается в общее и ключевое содержание всего блока.

2.3. ТБФ «Предложение шапнуть»: анализ ядерных формул

Впервые приступая к исследованию былины вообще и ее вариативности в частности, в качестве объекта непосредственного сравнительного анализа мы берем **былинную формулу** – ту языковую структуру, которая является минимальной и достаточной по форме для воплощения в текстовой форме некоторого мотива – выражения определенной идеи-мысли или описания конкретного события в рамках эпической действительности. В нашем случае таких мотивов (и, соответственно, формул) 4 и все они представляют собой важнейшие концептуальные элементы ТБФ «Предложение шапнуть». Следует заметить, что выбранные формулы, во избежание возможных несовпадений и путаницы из-за разнооформленности (лексической и структурной), мы рассматриваем только в том случае, когда они имеют отношение к щегольству (то есть входит в СБФ «Щегольство» и ТБФ «Предложение шапнуть»), так как для нас принципиально важна тематическая и формальная «привязка» того или иного фрагмента текста (особенно эта оговорка нужна в отношении формул «оформление реплики» и «битье об заклад», которые периодически встречаются и в других формульных блоках в составе исследуемой былины).

Формула, как и фразеологизм¹⁵, сочетает в себе идиоматичность исходной модели с определенной вариативностью ее лексического наполнения, вследствие чего включает как интегральные (ядерные, обязательные), так и дифференциальные (или факультативные) смысловые компоненты. Традиция сдерживает импровизационное начало в фольклоре, фильтруя крайности и закрепляя приемлемые изменения, так что новация в былине может существовать только как инновация, то есть только не противореча традиции и вследствие этого будучи ею усвоенной [Неклюдов 1996 – сайт; Чистов 1986: 111], поэтому наш основной вопрос состоит в установлении границ вариативности отдельной былинной формулы, т. е. того, насколько она может варьироваться в лексическом, синтаксическом,

¹⁵ подробнее о фразеологизме см. напр. Лю Даян 2019: 5, 14–15; Разина 2019: 21; Жуков 1986: 5–10; Арсентьева 1989: 37.

семантическом и компонентном планах, чтобы не выходить за рамки традиции, иметь право быть принятой и сохраненной ею, а также не нарушать пределов разрабатываемой (внутри формулы) микротемы, так как варьирование ФФ представляет собой ее «структурные изменения (преобразования) с сохранением традиционной семантики» [Черноусова 2014: 97].

Из-за большого объема материала (он составляет 38 вариантов былины «ДС и ЧП», включающих в сумме более 14,5 тысяч былинных строк) мы не можем привести в «теле» работы полный анализ строения всех текстов, в которых есть исследуемые формулы.

Следовательно, необходимо выделить из общего числа привлеченных к исследованию текстов те, которые были бы максимально однородны по всем характеристикам (или по их подавляющему большинству), поэтому в качестве источников наиболее наглядного основного иллюстративного материала мы возьмем три текста, относящиеся к одной сказительской традиции – т. н. «рябининской». Это тексты 18 и 41 Трофима Григорьевича Рябина, основоположника традиции, запись которых относится соответственно к 1860 и 1871 гг., а также текст 15, исполненный Иваном Герасимовичем Рябининым-Андреевым в 1921 году (см. Таблицу 3).

Анализ этих текстов дает возможность проследить сохранность традиции на протяжении более чем полувека. Оказывается, что набор СБФ внутри всех трех текстов практически все это время удерживается без изменений, включая 7 СБФ: «Зачин», «Поездка», «Церковь», «Пир», «Щегольство», «Прыжок», «Опись» – только в самом «младшем» варианте добавляется дополнительный заключительный СБФ «Исход», но он, как мы уже упоминали, наряду с СБФ «Зачин» выполняет в рамках былинного текста скорее формально-композиционную, нежели содержательно-смысловую функцию.

Стоит отметить, что высокое качество, точность соответствия традиции, а значит и показательность «рябининских» текстов, проявляющиеся уже в том,

что все они последовательны, окончены и совершенно не включают прозаических вставок, поддерживаются и на уровне набора СБФ (то есть на уровне их содержательной составляющей) – представленный в этих текстах набор СБФ можно считать наиболее полным и логически уравновешенным с содержательной точки зрения.

Таблица 3. Общая характеристика текстов «рябининской» традиции

№ текста	41	18	15
год записи	1860	1871	1921
исполнитель	Т.Г. Рябинин	Т.Г. Рябинин	И.Г. Рябинин-Андреев
код текста	ПСР-1, 48	ГОБ, 85	АБРА, 7
качество текста	окончено		
	прозаических вставок нет		
длина текста	452 строки	567 строк	571 строка
кол-во СБФ	7	7	8
состав СБФ	зачин, поездка, церковь, пир, щегольство, прыжок, опись	зачин, поездка, церковь, пир, щегольство, прыжок, опись	зачин, поездка, церковь, пир, щегольство, прыжок, опись, исход
длина СБФ «Щегольство»	138 строк	159 строк	161 строка
предш. ТБФ	вина		
послед. ТБФ	выезд из церкви		
состав ТБФ в СБФ «Щегольство»	предложение шапить, письмо, догадка, посылка платья, щегольство-1, щегольство – Чурила, щегольство – Дюк	предложение шапить, письмо, догадка, посылка платья, щегольство-1, щегольство – Чурила, щегольство – Дюк, щегольство-2, эффект	предложение шапить, письмо, догадка, посылка платья, щегольство-1, щегольство – Чурила, щегольство – Дюк, щегольство-2, эффект
длина ТБФ «Предложение шапить»	30 строк	19 строк	16 строк
предш. ТБФ	вина		
послед. ТБФ	письмо		

СБФ «Щегольство» во всех трех былинах занимает примерно одно и то же положение: предшествующий и последующий СБФ не изменяются («Пир» и «Прыжок» соответственно), как не изменяются и ТБФ, непосредственно обрамляющие СБФ («Вина» и «Выезд из церкви» соответственно).

Набор ТБФ внутри СБФ также очень устойчив и насчитывает 9 ТБФ: «Предложение щापить», «Письмо», «Догадка», «Посылка платья», «Щегольство-1», «Щегольство – Чурила», «Щегольство – Дюк», «Щегольство-2», «Эффект». Эта схема повторяется без изменений в вариантах 15 и 18, а в варианте 41 отсутствуют два последних ТБФ – «Щегольство-2» и «Эффект».

В целом же состав СБФ «Щегольство» в «рябининских» вариантах близок к идеальному – опыт выделения в нем ТБФ и ФФ представлен в Приложении 2 на с. 87. При этом важно иметь в виду, что даже ТБФ, традиционные для СБФ «Щегольство», различны по текстовой функции и, соответственно, по обязательности в тексте: ср. ТБФ «Письмо» и «Догадка» с ТБФ «Щегольство-1» и «Щегольство-2».

2.3.1. Оформление реплики (п. а. / ант. / г.)

В большинстве случаев ТБФ «Предложение щापить» открывается репликой представителя антагониста (п. а.), то есть Чурилы Пленковича (или – реже – Самсона Самойловича). При этом текстовая реализация любой реплики обычно представляет собой некоторое сочетание авторской и прямой речи. Это правило не нарушается и в случае построения былинного нарратива, поэтому первой формулой всего ТБФ становятся «слова автора» – т. н. «оформление реплики».

Очевидно, что эта формула, в отличие от других 3 формул, рассмотренных далее, выступает исключительно в составе повествовательных фрагментов текста и не может быть повторена без значимых изменений по крайней мере в рамках ТБФ. Дело в том, что формула такого типа обычно встречается в блоке дважды, оформляя сначала реплику п. а. (или ант.), а затем ответную реплику героя (подобные контексты выделены в таблице ниже курсивом) – это «удвоение» формулы хорошо видно и на примерах из эталонных «рябининских» текстов.

Таблица 4. ФФ «Оформление реплики» в «рябининской» традиции

41	Ко этыим ко столикам дубовыим Подходит Чурилушка Пленкович В одной тонкой рубашечке без пояса, В одних тонких чулочиках без чоботов. Говорил ему Чурила таковы слова:
	<i>Говорит ему Дюк таковы слова:</i>
18	А й Щурилушко-тот Плёнкович по горенки похаживат, Таковы слова Щурило поговариват:
	<i>Молодой боярин Дюк Степанович Говорил Щурилу таковы слова:</i>
15	Говорит тут Щурилушка-та Плёнкович:
	<i>Говорит тут боярин Дюк Степанович:</i>

Таким образом, формула «Оформление реплики» выполняет в тексте в основном структурную функцию: в ней чаще всего фигура п. а. или ант. либо впервые вводится в действие (*Выскакивал дородён доброй молодец, // Ишша на имё Цюрыло да млáды Плёнковиц* (68)), либо повторно актуализируется путем поименования (п. а. / ант. начинает выступать именно в роли закладчика: *А Чурилушка да сын Пленкович // На том молодец да не успокоился, // Говорил Чурила таковы слова* (82)).

Классическими и наиболее характерными элементами формулы являются имя п. а. / ант. / г. (имя собственное – подлежащее) и глагол (сказуемое), знаменующий (в случае реплики п. а.) либо акт говорения, либо акт движения / приближения: ср. *Тогда говорит-то Чурило бладо Клёнковиц* (61); *Подходил к нему [Дюку] Самсонушка Самойлович* (12); иногда встречаются варианты формулы с указанием на оба действия, например, *А й Щурилушко-тот Плёнкович по горенки похаживат, // Таковы слова Щурило поговариват* (18); *Ко этыим ко столикам дубовыим // Подходит Чурилушка Пленкович // ... Говорил ему [Дюку] Чурила таковы слова* (41). При этом в оформлении реплик антагониста и героя при имени собственном используются только глаголы говорения, например, *А*

говорил ли тут *Владимер-князь* (3), *Говорит ему Дюк* таковы слова (41) или *Отвечат на то ле Дюк* ище *Степанович* (61).

Следовательно на языке структурных синтаксических схем РГ-80 смысловое ядро формулы (по форме – простого двусоставного предложения), представляющее собой связанную координацией и, как правило, инвертированную пару его главных членов, может быть представлено как $V_f + N_1$.

Смысловая простота и структурная единообразность пропозиции ('герой, находясь в одном пространстве с соперником, обращается к нему с речью') приводит к тому, что по сложности (многогранности) семантики компонентов (в первую очередь наиболее варьируемого из них – предиката) ФФ «оформление реплики», наряду с формулами «суть / срок заклада» и «условия заклада» значительно уступает центральной для блока формуле «битье об заклад» (подробнее см. п. 2.3.2).

При этом в конкретных воплощениях формально идентичной комбинации элементов формулы субъект и предикат могут быть выражены по-разному. Как было сказано выше, содержание первого из них (то есть то, какое имя собственное будет употреблено) определяется исключительно контекстом и зависит от того, чью реплику ФФ предваряет в данном случае – п. а., ант. или героя. Интересно также обратить внимание на то, что при имени собственном часто появляется приложение, выраженное именем нарицательным и обозначающее сословную принадлежность или традиционную для былинного мира характеристику того или иного героя (*Владимер-князь, боярский сын Дюк Степанович, Цюрила щана Пленковиц*). В иных случаях наименование субъекта сопровождается определением в виде устойчивого эпитета (*Владимир стольно-киевский, молодой Дюк Степанович, Чурила Пленковиц Щапливый*). Реже подлежащее имеет при себе одновременно и приложение, и устойчивый эпитет (*молодой боярин Дюк Степанович, молодой Чурила сын Пленковиц, Цюрыло да млáды Плёнковиц*). Кроме того, имя собственное единожды замещается именем

нарицательным с приложением и эпитетом (*А говорил тут солнышко князь стольнё-киеськой* (2)).

В других 5 контекстах вместо имени п. а. появляются местоимения *он* и *сам* – это происходит в двух случаях: 1) если формула амплифицируется (т. е. расширяет свой состав без искажения содержания – 4 случая из 29 реализаций) и канонической обязательной строке в ней предпосылается дополнительная строка, указывающая на завистливость / запальчивость Чурилы¹⁶ (качества, сподвигнувшие его на произнесение соответствующей реплики с предложением заклада), в которой и упоминается имя п. а., поэтому непосредственно в «оформлении реплики» его повторения не требуется (*А Чурила был завистливый, // Говорит он да, верно, таковы слова* (59); *Да тут-то Чурило стало зázорко* [т. е. завидно, досадно], // *Да и сам говорил таково слово* (67)); ср. *Во Киеве был Чурила Пленкович Щапливый, // Говорит он князю Владимиру таково слово* (30); *И за тем столом дубовым // Сидит Чурила Пленковиц, // И сам говорит таково слово* (38). Однако в некоторых случаях повтор имени п. а. все-таки происходит, например, *И стоит же тут Чурилушка сын Пленкович, // Говорил же тут Чурила сын же Пленкович* (16), см. также вар. 18, 41, 82.

Позицию предиката в формуле, как уже упоминалось, занимают либо глаголы говорения, а точнее сам глагол *говорить* и его видовременные и словообразовательные варианты (единожды в данной функции встречается глагол *отвечать*, оформляющий ответную реплику героя, так что его появление здесь вполне логично), который в былинном контексте идет в довольно устойчивой связке с дополнением – фиксированным сочетанием-согласованием указательного местоимения и существительного *таково/ы слово/а*, либо глаголы движения – как правило, это наипростейший глагол подобной семантики – *(под)ходить* (или *похаживать*). Примечательно, что в

¹⁶ Кроме прибавления фразы о завистливости Чурилы, формула единожды расширяется за счет описания костюма Чурилы в момент его встречи с Дюком: *Ко этым ко столикам дубовым // Подходит Чурилушка Пленкович // В одной тонкой рубашечке без пояса, // В одних тонких чулочках без чоботов. // Говорил ему Чурила таковы слова* (41).

данном случае былинный дискурс не подразумевает какой-либо дополнительной игры со значениями этих глаголов, да и сами они максимально понятны и весьма распространены в обычном – нефольклорном – языке.

В этой связи особое внимание следует уделить контексту, место предиката в котором занимает не совсем канонический для формулы глагол *выскакивать*, см. вар. 68: **Выскакивал** дородён доброй молодець, // Ишша на имё Цюрыло да млáды Плёнковиц. Как кажется, в данном случае имеется в виду вовсе не пространственное перемещение (*выскакивать* – ‘скачком, прыжком переместиться за пределы чего-л., появиться откуда-л., где-л.; выпрыгнуть’ – МАС): надо полагать, что здесь глагол реализует другое, менее распространенное свое значение (просторечно-разговорное и в некотором смысле переносное) – ‘не вовремя, некстати вмешаться, принять участие в чём-л.’ (БТС), ср. в МАС в т. ч. ‘не вовремя, некстати вступить в разговор’. См., например, следующие контексты из НКРЯ¹⁷: *Димка выскакивает из-под арки и показывает, как он, вернувшись домой, свернёт мне шею* [Василий Аксенов. Звездный билет / гл. 1-6 // «Юность», 1961]; *И я! И я! – начали было выскакивать некоторые. Ведь каждый в таких случаях мнит себя героем.* [Чингиз Айтматов. Ранние журавли (1975)].

Еще одна не вполне тривиальная реализация рассматриваемой формулы встречается в полностью неканоничной и скорее изоморфной, чем нормативной версии ТБФ «Предложение щापить» в вар. 52, однако сама ФФ «суть / срок заклада» в данном случае выглядит довольно традиционно (по крайней мере с т. з. структуры), представляя собой короткое двусоставное простое предложение: *И выискалось тут три боярина у Владимира* (52), однако здесь не только субъект выражен сочетанием числит. и сущ. (единственный раз среди всех возможных вариантов этой ФФ), но и предикат представлен не глаголом говорения / движения, а разговорным глаголом *выискаться* со значением ‘найтись, оказаться, вызваться’ (Ушаков) –

¹⁷ <https://ruscorpora.ru>

последнее из трех перечисленных в словаре значений вероятно наиболее близко к реализованному в тексте.

Кроме того, 4 раза в составе ФФ встречаются глаголы бытийно-статической семантики (указание на наличие п. а. в конкретное время в определенном пространстве, что делает возможным его столкновение с героем) *быть, стоять, сидеть* (все в форме прош. вр.): *Во Киеве был Чурила Пленкович Щапливый* (30), *И **стоит** же тут Чурилушка сын Пленкович* (16), *И за тем столом дубовым // **Сидит** Чурила Пленковиц* (38). Практика анализа показывает, что подобные фразы, в отличие от указаний на особенности характера Чурилы (см. выше), вряд ли следует считать средствами амплификации, так как никакого особенно оригинального смысла они не несут и формуле не прибавляют; более того, в вар. 1 вся формула исчерпывается конструкцией подобного рода: *Тут Чурилушка **был** ли Плёнкович, // (А билися оны о велик залог)* и т. д.

В качестве дополнительных компонентов формулы могут выступать зависимые от предиката:

1. дополнения

- а) в дательном падеже

Если п. а., прежде чем обратиться непосредственно к герою, обращается к антагонисту (князю) для того, чтобы получить его благословение на заклад, попросить не доверять оценщикам (если СБФ «Щегольство» идет после СБФ «Опись») или предложить князю самому заключить с героем пари, то данная формула принимает следующий вид: *Во Киеве был Чурила Пленкович Щапливый, // **Говорит он князю Владимиру таково слово*** (30). Часто подобным образом дополняются и слова, предшествующие репликам в непосредственном диалоге п. а. и героя, причем на месте дополнения может быть как имя собственное, так и личное местоимение 3 л. ед. ч. в дат. пад.; заметна также следующая закономерность, связанная с семантикой глаголов – при глаголах

движения рядом с сущ. появляется предлог *к*, а при глаголах говорения – нет: *Подходит Чурило к Дюку Степановичу* (4); *Молодой боярин Дюк Степанович // Говорил Шурилу таковы слова* (18); *Подходил к нему Самсонушка Самойлович* (12); *Говорил ему Чурила таковы слова // ... Говорит ему Дюк таковы слова* (41);

б) в винительном падеже

Подобное дополнение, выражаемое указательным местоимением, появляется в формулах такого типа чрезвычайно редко и только для оформления ответа героя (соответственно – только при глаголах говорения) и более крепкого прикрепления его к предшествующей реплике п. а., на которую и указывает соответствующее местоимение: *Говорит на это Дюк Степанович* (4), *Отвечат на то ле Дюк ище Степанович* (61);

2. обстоятельства

а) времени: наречия *тут, тогда, опять, снова* (при глаголах различной семантики);

б) места

Такие обстоятельства вводятся в нормативный каркас формулы гораздо реже, чем обстоятельства времени, так как сочетаются только с глаголами движения или статики-бытия и в комплексе с ними указывают на наличие некоего пространства, в котором происходит диалог героев: Чурила Пленкович в различных вариантах *похаживат по горенки* (18), *был во Киеве* (30), *сидит за столом дубовым* (38) и *подходит ко столикам дубовым* (41); ср. также *выискалось (три боярина) у Владимира* (52).

Таким образом, наиболее распространенную модель построения формулы можно представить в следующем виде: *глагол + наречие + имя-субъект* (чаще всего – имя собственное) + *дополнение в дат. пад.* + *дополнение в вин. пад.*, однако все 5 компонентов одновременно на практике не

встречаются ни разу, что, однако, не мешает формуле выполнять свою функцию, репрезентируя заложенное в ней содержание, так как ее ядерные компоненты реализуются всегда (в противном случае было бы затруднительно идентифицировать эту формулу в тексте, как и любую другую).

Таблица 5. Варианты ФФ «Оформление реплики»

ФФ «ОФОРМЛЕНИЕ РЕПЛИКИ»						
№	формула	компоненты формулы				
		глагол	нар.	субъект	дополнение	
					дат. пад.	вин. пад.
1	Тут Чурилушка был ли Плёнкович,	был	тут	Чурилушка Плёнкович	—	—
2	А говорил тут Цюрила шапа Пленковиц:	говорил	тут	Цюрила шапа Пленковиц	—	—
	А говорил тут солнышко князь стольнё-киеськой:	говорил	тут	солнышко князь стольнё-киеськой	—	—
3	А говорит Дюк да таковы слова:	говорит	—	Дюк	—	таковы слова
4	А говорил ли тут Владимир-князь:	говорил	тут	Владимер-князь	—	—
	Подходит Чурило к Дюку Степановичу:	подходит	—	Чурило	к Дюку Степановичу	—
9	Говорит на это Дюк Степанович:	говорит	—	Дюк Степанович	—	—
	А говорит опять Чурило да бладо-Плёнкович:	говорит	опять	Чурило да бладо-Плёнкович	—	—
12	Ай говорил то ле Дюк да сын Степановиц:	говорил	—	Дюк да сын Степановиц	—	—
	Подходил к нему Самсонушка Самойлович:	подходил	—	Самсонушка Самойлович	к нему [Дюку]	—
15	Говорил-то тут боярен Дюк Степанович:	говорил-то	тут	боярен Дюк Степанович	—	—
	Говорит тут Щурилушка-та Плёнкович:	говорит	тут	Щурилушка-та Плёнкович	—	—
16	Говорит тут боярин Дюк Степанович:	говорит	тут	боярин Дюк Степанович	—	—
	И стоит же тут Чурилушка сын Пленкович,	стоит	тут	Чурилушка сын Пленкович	—	—
18	Говорил же тут Чурила сын же Пленкович:	говорил	тут	Чурила сын же Пленкович	—	—
	А й Щурилушко-тот Плёнкович по горенки похаживат,	похаживат	—	Щурилушко-тот Плёнкович	—	—
	Таковы слова Щурило поговариват:	поговариват	—	Щурило	—	таковы слова
21	Молодой боярин Дюк Степанович	говорил	—	Молодой боярин Дюк Степанович	Щурилу	таковы слова
	Говорил Щурилу таковы слова:	говорил	—	Владимир стольный киевский	—	—
22	Говорил Владимир стольный киевский:	говорил	—	Владимир стольный киевский	—	—
30	Тут проговорил Владимир стольний-киевский:	проговорил	тут	Владимир стольний-киевский	—	—
	Во Киеве был Чурила Пленкович Щапливый,	был	—	Чурила Пленкович Щапливый	—	—
32	Говорит он князю Владимиру таково слово:	говорит	—	он	князю Владимиру	таково слово
	И тут Чурилу стало зазорко,	говорит	тут	сам [Чурила]	—	таково слово
37	Сам говорит таково слово:	говорит	—	Чурилушка Пленкович	—	—
	Говорит Чурилушка Пленкович:	говорит	—	Чурилушка Пленкович	—	—
38	И за тем столом дубовым	сидит	—	Чурила Пленковиц	—	—
	Сидит Чурила Пленковиц,	говорит	—	сам	—	таково слово
	И сам говорит таково слово:	говорит	—	боярский сын Дюк Степанович	—	—
39	И говорит боярский сын Дюк Степанович:	говорит	—	молодой Чурила сын Пленкович	—	—
39	Говорит молодой Чурила сын Пленкович:	говорит	—	молодой Чурила сын Пленкович	—	—

	То говорит молодой Дюк Степанович:	говорит	—	молодой Дюк Степанович	—	—
41	Ко этиим ко столикам дубовым Подходит Чурилушка Пленкович	подходит	—	Чурилушка Пленкович	—	—
	В одной тонкой рубашечке без пояса, В одних тонких чулочиках без чоботов. Говорил ему Чурила таковы слова:	говорил	—	Чурила	ему [Дюку]	таковы слова
	Говорит ему Дюк таковы слова:	говорит	—	Дюк	ему [Чуриле]	таковы слова
42	Говорит Владимир стольно-Киевский:	говорит	—	Владимир стольно-Киевский	—	—
49	Говорит Чурило таково слово:	говорит	—	Чурило	—	таково слово
59	А Чурила был завистливый, Говорит он да, верно, таковы слова:	говорит	—	он [Чурила]	—	таковы слова
	Говорит-то Дюк Степанович:	говорит-то	—	Дюк Степанович	—	—
61	Тогда говорит-то Чурило бладо Клёнковиць:	говорит-то	тогда	Чурило бладо Клёнковиць	—	—
	Отвечат на то ле Дюк ище Степанович:	отвечат	—	Дюк Степанович	—	—
67	Да тут-то Чурило стало зázорко, Да и сам говорил таково слово:	говорил	тут-то	сам [Чурила]	—	таково слово
68	Выскакивал дородён доброй молодець, Ишша на имё Цюрыло да млáды Плёнковиц;	выскакивал	—	Цюрыло да млáды Плёнковиц	—	—
80	Говорит снова князь Владимир:	говорит	снова	князь Владимир	—	—
81	И говорит уж тут Самсонушко Самойловиц:	говорит	тут	Самсонушко Самойловиц	—	—
82	А Чурилушка да сын Пленкович На том молодец да не успокоился, Говорил Чурила таковы слова:	говорил	—	Чурила	—	таковы слова
	Тут возговорил боярин Дюк Степанович:	возговорил	тут	боярин Дюк Степанович	—	—
83	Говорит Владимир стольно-киевский:	говорит	—	Владимир стольно-киевский	—	—
	Говорит боярин Дюк Степанович:	говорит	—	боярин Дюк Степанович	—	—
85	Говорит Чурилушка Щаплёнкович:	говорит	—	Чурилушка Щаплёнкович	—	—
	Говорит боярин Дюк Степанович:	говорит	—	боярин Дюк Степанович	—	—

2.3.2. Битье об заклад

Исследователи указывают на важность «заклада» как детали былинного сюжета [Липец 1969: 278] и специфического элемента жанровой концептосферы [Черноусова 2015: 23], поэтому неудивительно, что именно эта формула занимает главнейшее место в составе ТБФ «Предложение щापить». Без нее не обходится практически ни одна версия ТБФ, поэтому у нее множество различных вариантов и, следовательно, описать какие-либо принципы варьирования для нее сложнее, чем для других «ядерных» формул блока.

В трех текстах рябининской традиции ФФ «Битье об заклад» имеет следующий вид:

Таблица 6. ФФ «Битье об заклад» в «рябининской» традиции

41	<i>Ударим-ка со мною о велик заклад</i>
	<i>И ударил с ним Дюк Степанович о велик заклад</i>
18	<i>То ударим-ко со мною да велик заклад</i>
15	<i>А ударим-ка со мной ты во велик заклад, Во велик заклад да ты не в малыи</i>
	<i>Он тут бился со Щурилушкой в велик заклад, А в велик заклад еще й не в малыи</i>

Уже на этих примерах видно, что в основе анализируемой формулы (в ее наиболее традиционном виде) лежит устойчивая синтаксическая структура побудительного высказывания типа *А ударимса с тобой о велик заклад* (9) (в Таблице 6 подобные примеры выделены курсивом) или повествовательного высказывания типа *Ну побился он с Самсоном о велик заклад* (12).

Выбор той или иной формы зависит от непосредственного контекста, в который она встраивается.

Если формула является частью реплики п. а. (ант. / г.), то, очевидно, будет выбрана первая – побудительная – структура. Все эти случаи можно разделить по адресанту: п. а., ант. или герой. Последнее вообще нехарактерно для этой формулы, к какому бы ТБФ она не относилась. Это обусловлено

строением всего былинного текста в целом – различные испытания предлагают герою (Дюку), а не наоборот.

Случаи, в которых формула является частью реплики п. а., можно, в свою очередь, разделить по адресату реплики, на обращенные к антагонисту (напр., от п. а. к ант.: *А ты ударь-ко да с добрым молодцом // А о велик заклад да о большо дело* (2)) и на обращенные к герою (*А ударим-ка со мной ты во велик заклад, // Во велик заклад да ты не в малыи* (15)). Второе гораздо более частотно, что так же объясняется особенностями сюжета – п. а. обычно обращается непосредственно к герою, не беря антагониста в посредники, в том числе и потому, что в ряде случаев п. а. бывает непосредственно обижен героем (см. эпизод на клиросе, напр. в вар. 9).

Если же формула входит в повествовательную часть текста, то она принимает соответствующее оформление (напр., *Ударились во велик заклад* (4) или *Молодой боярин Дюк Степанович // Бил же тут с Чурилой о велик залог* (16)).

Как было сказано выше, выбор формы (в силу изначальной семантической окраски обеих названных синтаксических структур) влияет на оттенки значения самой формулы – так, формула в виде побудительного высказывания репрезентирует непосредственно обращенное п. а. (или ант.) к герою предложение принять участие в споре (состязании) (в одном – абсолютно нехарактерном – случае это предложение выдвигает сам герой, см. вар. 83), а формула, представленная в повествовательной форме – лишь указание на факт заключения соответствующей сделки (пари).

При этом главная концептуальная составляющая формулы (та пропозиция, которую она отражает) от особенностей ее структуры практически не зависит и в обоих случаях может быть выражена синтаксической структурой типа $V_f + N_4$, например, словосочетанием «заклчить пари» (сделку, договор), что в фольклорном дискурсе будет звучать как «ударить заклад» (предлог не всегда является обязательной частью формулы, однако случаи без него очень редки – см. напр., *То ударим-ко со*

мною да **велик заклад** (п. а., 18) или *Ты ударь с нашим Чурилою велик заклад* (ант., 21)) или, что гораздо реже, – «подписать договор» (напр., *Подписали этот договор* (пов., 83)).

Следует учитывать, что в различных словесных реализациях этого концептуального значения два его компонента – глагол и существительное-объект – могут быть выражены разными лексемами: так, компонент «заклучить» в большинстве случаев передается с помощью двух глаголов (и их видовременных и словообразовательных вариантов) – *удари/ять(ся)* и *(по)бить(ся)* (реже – *записаться, подписать, сделать* и пр.), а компонент «пари» – несколькими синонимичными в специфическом контексте былинного текста существительными *заклад, залог, заповедь* (реже – *договор*), например: *Да ударились ребята о велик заклад* (пов., 9); *Да ударимся-ко мы с тобой во велик заклад* (п. а., 38); *Бились они с Чурилом о велик заклад* (пов., 49); *Мы побьемся с Дюком о велик заклад* (п. а. к ант., 82); *А ударим-ко боярин во велик залог* (п. а., 16); *А билися оны о велик залог* (пов., 1); *Как ударились они с Цюрилушкой всё Пленковым // Шьчо о ту-ли они заповедь великую* (пов., 5); *И сделали [п. а. и г.] заповедь великую* (– *щипить целый год*) (86).

Интересно обратить внимание на бытование компонентов ФФ в целом – как языковых единиц, так как фольклор вообще строится из того материала, который предоставляет не только диалектный, но и общенародный лексикон. Кроме того, эта информация может быть полезна для того, чтобы доказать синонимичность внешне различных компонентов, выявленных внутри исследуемой ФФ (при сравнении вариантов формулы мы не учитываем особенности произношения и вставные ритмические частицы).

Как уже было отмечено, в большинстве случаев функцию предиката в формуле выполняют глаголы *удари/ять(ся)* (23) и *(по)бить(ся)* (14), следовательно, именно их следует считать наиболее классическими, традиционными для этой формулы – это подтверждается еще и тем, что в толковых словарях русского языка словосочетания (далее – с/с) *биться об*

заклад и *удариться об заклад* идут как устойчивые и синонимичные. См. напр. пример из НКРЯ, где с/с *биться об заклад* и *ударить об заклад* идут как синонимы: *Да ее каждая собака знает. Хотите **биться об заклад** на десять рублей, что вон тот старенький офицер и тот ее имя слышал? Пойдите спросите у него. Хоть мне и не хотелось идти спрашивать, да уж больно было желательно **ударить об заклад**...* [А.Ф. Кошко. Очерки уголовного мира царской России. 3 (1928)].

Заметим, что в словаре сочетаемости П.Н. Денисова и В.В. Морковкина сочетаемость глаголов *ударять(ся) / бить(ся)* с сущ. *заклад / залог* не отмечена [ДМ 1983: 29–30, 613], а сущ. *заклад* и *залог* не представлены вовсе. При этом в Русском ассоциативном словаре из 64 различных реакций на слово-стимул *биться* 6 представляют собой сочетание *об заклад* (частотнее оказываются только с/с *биться насмерть* (10) и *биться головой* (8)) [РАС 2002 – сайт].

МАС и словарь Д.Н. Ушакова дают с/с *биться об заклад* как устойчивое устаревшее / разговорное выражение со значением ‘держать пари’; а словарь Ожегова дает это же выражение как устойчивое, но с более современным не прямым значением ‘уверенно отстаивать свою точку зрения’ [или ‘утверждать’ – М.Ц.], см. напр. следующие примеры из НКРЯ: *Я готов **биться об заклад**: на душе этого человека... беспокойно.* [В. Г. Короленко. Без языка (1895)] или *Скажем больше: можно смело **биться об заклад**, что нет в России ни одной тюрьмы, из которой не сделано бы было побегов.* [С.В. Максимов. Сибирь и каторга (1871)], однако и с указанием на первоначальное значение, которое формулируется как ‘спорить на деньги, какую-н. вещь’.

С/с *удариться об заклад* в МАС идет также как устойчивое с синонимичным значением ‘заключить пари, поспорить на что-л.’.

По данным СРНГ [СРНГ-48: 213; СРНГ-2: 300] *залог = заклад, пари*, а *биться об залог* (или *бить о залог*) = *биться об заклад*.

Примечательно, что отдельно для слова *заповедь* СРНГ не дает подобного значения, даже под знаком вопроса, хотя, напр., в след. случае явно

присутствует его реализация: *И сделали заповедь великую* (– шапить целый год) (86). В СРНГ есть данные о том, что *с/с делать заповедь* [СРНГ-7: 340] означает то же, что и *давать заповедь*, т. е. ‘произносить, читать заповедь’: *А и душа Маринка дочь Игнатъевна // Давала-то ей заповедь великую* [СРНГ-7: 257], но, как кажется, здесь *с/с давать заповедь* скорее значит ‘давать обещание, клятву’. Для *с/с же удариться о заповедь* СРНГ дает необходимое значение – ‘заклчить договор, который никто не смеет нарушать’, причем в качестве иллюстрации приводится наш пример из вар. 5: *Как ударились они с Цюрилушкой всё Пленковым // Шьчо о ту-ли они заповедь великую* [СРНГ-46: 279].

Для слова *заповедь* самое популярное значение во всех словарях (в т. ч. в СРНГ) это ‘запрет’ (*Все смотрели на Селивана как на страшное пугало, и все так же, как дедушка Илья, строго заказывали мне, чтобы я «дома, в хоромах, никому про Селивана не сказывал». По совету мельника, я эту мужичью заповедь исполнял до особого страшного случая, когда я сам попался в лапы Селивану.* [Н.С. Лесков. Пугало]) или ‘наказ’ (*Помня Вашу заповедь – вербовать сотрудников для «Осколков», я по приезде в Москву отыскал этого Родиона и предложил ему послать пробу пера к Вам...* [А.П. Чехов. Письмо Н.А. Лейкину, 30 сентября 1885 г. Москва (30.09.1885)]). Даже Даль дает его же, но в той же статье (ст. «Заповедывать») он приводит слово *заповедное* со значением ‘заповедная запись, письменное обязательство, данное кем в том, что впредь не станет делать чего, не нарушит запрета’. Для нас здесь наиболее важна актуализация семы ‘письменная закреплённость’ какого-л. договора (кроме того, судя по данным обычных толковых словарей, слово *заповедь* тоже само по себе как минимум косвенно включает эту сему, так как *заповедь* = ‘предписание’, а предписание – это ‘письменное распоряжение’ (первое значение по Ушакову)).

Случаев, где бы эти глаголы были употреблены безобъектно, в исследуемом материале три: *Ударили они* (о тридцати о тысячах) (39), *Тут побились удалы добры молодцы: // Молодой боярин Дюк Степанович // Да*

хвастун Чурилушка сын Пленкович (82) и Побилиси да заручилиси (83), при этом во всех этих случаях рассматриваемая формула обнаруживается несколько раз, причем безобъектный вариант в обоих случаях следует за объектным (в реплике), то есть предполагается, что слово *заклад* уже прозвучало и слово *побиться* уже должно быть понятно и без дополнительного указания на объект, но все же важно отметить, что в СРНГ есть сведения о том, что глаголы *ударить/аться* и *биться* сами по себе могут заключать в себе указание на объект, так *удариться* = ‘договориться о чем-л.’ [СРНГ-46: 279], а *биться* = ‘спорить на выигрыш, держать пари’ [СРНГ-2: 302].

Сюда же примыкают варианты формулы *Не хочешь ли с нашим Чурилушкой позакладаться?* (ант., 80) и *Как записалисе* (платье сшить) *ёны* (85), в которых заданная пропозиция оказывается выражена не классическим словосочетанием глагол + существительное (типа «заключить сделку»), а одним глаголом, значение которого автоматически включает в себя значение отсутствующего при нем существительного. Подобным образом работает, например, глагол *поспорить* в следующем контексте (из НКРЯ): *Однажды в эфире радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов, один из самых талантливых российских журналистов, предложил мне пари, что президент не сдержит слова. ... Я принял вызов, и мы **поспорили** на две мои месячные зарплаты.* [Борис Немцов. Провинциал в Москве (1999)].

Так, *закладаться* – ‘биться об заклад’ [СРНГ-10: 27], что видно уже на морфемном уровне. Для лексемы *записаться* СРНГ не дает подобного значения, но оно может быть выведено из следующих данных: *запись* – ‘письменное условие, договор’, *записи сделать* – ‘подписать договор’ [СРНГ-10: 322] (ср. в вар. 83: *Подписали этот договор*). Кроме того, см. у Даля (ст. «Записывать»): *запись* – ‘всякая письменная сделка, обязательство’; также у Ожегова: *запись* – ‘документ о какой-н. сделке, акт (спец.)’.

Здесь же следует обратить внимание и на глагол *заручи/аться* в формуле *Побилиси да заручилиси (83)*. По данным СРНГ, *заручи/аться* значит ‘брать расписку в подтверждение обязательства выполнить что-либо’

[СРНГ-11: 10]; более того, в том же словаре указано, что отдельно взятый глагол *ручить* может иметь значение ‘биться об заклад’ [СРНГ-35: 280], то есть (в том числе на основании проведенного нами анализа) можно уточнить значение глагола *заручи/аться*, которое в таком случае станет близко к значению вышеописанного глагола *записаться* и будет звучать примерно как ‘письменно зафиксировать какое-либо обязательство’, где обязательство = заклад.

Кроме обязательных смыслообразующих компонентов (глагола и существительного-объекта) ФФ «Битье об заклад» традиционно также включает:

1. местоимение (существительное или имя собственное), называющее субъекта (или субъектов) действия, названного ключевым глаголом: *А юдаримса с тобой о велик заклад* (п. а., 9); *Ты ударь с нашим Чурилой о велик заклад* (ант., 42); *Дюк Степанович и Чурила Поплёнкович // Бились о велик заклад* (пов., 87); *Ишша билса он [п. а.] с Дюком о велик залок<г>* (пов., 68); *И ударил с ним Дюк Степанович о велик заклад* (пов., 41); но есть и примеры, где этот компонент смысла материально не выражен: *Давай ударимся об велик заклад* (п. а., 4); *Уж как станем-ка битъцэ о велик заклад* (п. а. – С. С., 12); *Ударили [п. а. и г.] да о велик заклад* (пов., 26); *А-й юдарылись [п. а. и г.] да о велик же зало(к)* (79);

2. прилагательное, характеризующее названный ключевым существительным объект действия, осуществляемого субъектом (или субъектами) – во всех случаях, где этот компонент реализован, он представлен в виде краткой (реже – полной) формы прилагательного *великий* (неизменность характеристики – показатель постоянной высокой значимости концепта «заклад» в рамках ФКМ – на это указывает Черноусова [Черноусова 2015: 24]), ср. *И ударылись они о велик заклад* (пов., 38); во всех случаях, кроме двух примеров, где место объекта занимает существительное *заповедь* и наблюдается инверсия, прилагательное предшествует определяемому слову;

это пример характерной для фольклора «фразеологизации слов» [Кузьмина 2015: 8];

3. предлог, связывающий эти две части формулы (глагол + мест. / сущ. и прил. + сущ., называющие объект действия) – *о (об)* или *в (во)*: *Ударить с ним о велик заклад* (п. а., 39); *И уж как станем биться об велик заклад* (п. а. – С. С., 81); *И ударились они в велик заклад* (пов., 32); *Ударились во велик заклад* (пов., 4); примеры без этого компонента – см. выше.

Таким образом, классической следует считать такую модель формулы, которую в наиболее общем виде можно представить как *глагол + имя-субъект + предлог + прилагательное + имя-объект*. В полной (т. е. включающей все 5 вышеперечисленных компонентов) реализации она представлена в подавляющем большинстве контекстов (в том числе и в текстах «рябининской» традиции).

Как мы видели, ее компоненты могут быть реализованы по-разному в разных текстах (некоторые из них м. б. вообще не реализованы), что при этом не нарушает основного содержания ФФ – ‘указание на предложение о сделке или на факт заключения сделки’, так как ФФ в данном случае построена на зафиксированном в словаре как устойчивое и ключевом для ФФ и ТБФ в целом словосочетании *ударить(ся) / бить(ся) об заклад*. При этом довольно существенным оказывается указание на письменную форму договора, т. е. заклада.

Необходимо также обратить внимание на то, что в примерах из вариантов 2 и 15 можно наблюдать явление амплификации: в формуле из варианта 2 рядом со *с/с велик заклад* в качестве параллельной синонимической конструкции появляется *с/с большо дело*, а в обеих реализациях формулы из текста 15 указание на важность заклада подкрепляется противопоставительным оборотом: *во велик заклад да ты не в малыи*.

Таблица 7. Варианты ФФ «Битье об заклад» – классическая модель

КЛАССИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФФ «БИТЬЕ ОБ ЗАКЛАД»						
№	формула	компоненты формулы				
		глагол	субъект	предл.	прилаг.	объект
ФФ как часть реплики (побудительная структура)						
2	А ты ударь-ко да с добрым молодцом А о велик заклад да о большо дело	ударь	[ты] с добрым молодцом	о	велик	заклад
4	Давай ударимся об велик заклад	ударимся	—	об	велик	заклад
9	А юдаримса с тобой о велик заклад	ударимся	с тобой	о	велик	заклад
12	Уж как станем-ка битыцэ о велик заклад	(станем) битыцэ	—	о	велик	заклад
15	А ударим-ка со мной ты во велик заклад, Во велик заклад да ты не в малыи	ударим(-ка)	со мной ты	во	велик	заклад
16	А ударим-ко боярин во велик залог	ударим(-ко)	боярин	во	велик	залог
18	То ударим-ко со мною да велик заклад	ударим(-ко)	со мною	—	велик	заклад
21	Ты ударь с нашим Чурилою велик заклад	ударь	ты с нашим Чурилою	—	велик	заклад
22	Ты ударь-ко с нашим Чурилушкой Пленковичем о велик заклад	ударь(-ко)	ты нашим Чурилушкой Пленковичем	о	велик	заклад
32	Пусть ударит со мною о велик заклад	(пусть) ударит	со мною	о	велик	заклад
37	Ударим с тобой о велик заклад	ударим	с тобой	о	велик	заклад
38	Да ударимся-ко мы с тобой во велик заклад	ударимся(-ко)	мы с тобой	во	велик	заклад
39	Ударить с ним о велик заклад	ударить	с ним	о	велик	заклад
41	Ударим-ка со мною о велик заклад	ударим(-ка)	со мною	о	велик	заклад
42	Ты ударь с нашим Чурилой о велик заклад	ударь	ты с нашим Чурилой	о	велик	заклад
67	Дак пусть ударит со мной о велик заклад	(пусть) ударит	со мной	о	велик	заклад
80	Не хочешь ли с нашим Чурилушкой позакладаться?	позакладаться	с нашим Чурилушкой	—	—	—
81	И уж как станем битьсе об велик заклад	(станем) битьсе	—	об	велик	заклад
82	Мы побьемся с Дюком о велик заклад	побьемся	мы с Дюком	о	велик	заклад
83	А могу я биться о велик заклад	(могу) биться	я	о	велик	заклад
ФФ как часть повествовательного отрывка						
1	А билися оны о велик залог	билися	оны	о	велик	залог
4	Ударились во велик заклад	ударились	—	во	велик	заклад
5	Как ударились они с Цюрилушкой всё Пленковым Шьчо о ту-ли они заповедь великую.	ударились	они с Цюрилушкой Пленковым	о	великую	заповедь

9	Да ударились ребята о велик заклад	ударились	ребята	о	велик	заклад
12	Ну побился он с Самсоном о велик заклад	побился	он с Самсоном	о	велик	заклад
15	Он тут бился со Щурилушкой в велик заклад, А в велик заклад ещё й не в малыи	бился	он со Щурилушкой	в	велик	заклад
16	Молодой боярин Дюк Степанович Бил же тут с Чурилой о велик залог	бил	молодой боярин Дюк Степанович с Чурилой	о	велик	залог
21	Ударили они о велик заклад	ударили	они	о	велик	заклад
26	Ударили да о велик заклад	ударили	—	о	велик	заклад
31	Чурила Пленкович опять ударил о велик заклад	ударил	Чурила Пленкович	о	велик	заклад
32	И ударились они в велик заклад	ударились	они	в	велик	заклад
38	И ударились они о велик заклад	ударились	они	о	велик	заклад
39	Ударили они (о тридцати о тысячах)	ударили	они	—	—	—
41	И ударил с ним Дюк Степанович о велик заклад	ударил	с ним Дюк Степанович	о	велик	заклад
49	Бились они с Чурилом о велик заклад	бились	они с Чурилом	о	велик	заклад
68	Ишша билса он (п. а.) с Дюком о велик залог<г>	билса	он с Дюком	о	велик	залог
79	А-й юдарылись да о велик же зало(к)	юдарылись	—	о	велик	залог
81	И как побились со свет Самсоном о велик заклад	побились	со свет Самсоном	о	велик	заклад
82	Тут побилися удалы добры молодцы: Молодой боярин Дюк Степанович Да хвастун Чурилушка сын Пленкович.	побилися	удалы добры молодцы: молодой боярин Дюк Степанович да хвастун Чурилушка сын Пленкович	—	—	—
83	Побилиси да заручилиси	побилиси	—	—	—	—
		заручилиси	—	—	—	—
	Подписали этот договор	подписали	—	—	—	договор
85	Как записалисе (платье сшить) ёны	записалисе	ёны			
86	И сделали заповедь великую (– шапить целый год)	сделали	—	—	великую	заповедь
87	Дюк Степанович и Чурила Поплёнкович Бились о велик заклад	бились	Дюк Степанович и Чурила Поплёнкович	о	велик	заклад

Однако среди изученных контекстов встречаются и совершенно изоморфные реализации формулы – они соответствуют традиции функционально (выполняют в тексте функцию предложения сделки / вызова на поединок / провокации / приглашения показать себя), но не структурно: *Во Киеве был Чурило Пленкович Щапливый, // Говорит он князю Владимиру таково слово: // «Я богатея себя Дюка перещаплю: // Мне всем Киевом платья шьют»* (30); *Говорит Чурило таково слово: // «Ой есь, приехал ты, молокососишко! // Я куплю-продам тебя одной своей куньей шубой»* (49); *Говорит Владимир стольно-киевский: // «Ах ты гой еси, удалый добрый молодец, // Молодой боярин Дюк Степанович, // Расскажи-тко ты верой-правдою // Про своё житьё да про богатство, // А покажи-тко ты удаль молодецкую – // Чим можешь услужить князю солнышку?»* (83) (в последнем случае характерно, что реакцией на вопрос антагониста оказывается предложение самого героя побиться об заклад – *А могу я биться о велик заклад*, а в повествовательной части в качестве итога разговора указано, что собеседники (ант. и г.) *побилиси да заручилиси*, а затем *подписали договор*).

Таблица 8. Варианты ФФ «Битье об заклад» – изоморфные структуры

ИЗОМОРФНЫЕ СТРУКТУРЫ						
№	формула	компоненты формулы				
		глагол	субъект	предл.	прил.	объект
30	Я богатея себя Дюка перещаплю	перещаплю	я Дюка	—	—	—
49	Я куплю-продам тебя одной своей куньей шубой	куплю-продам	я тебя	—	—	—
83	А покажи-тко ты удаль молодецкую – Чим можешь услужить князю солнышку?	покажи (удаль)	ты	—	—	—

Некое промежуточное положение между вариантами и изоморфами ФФ занимают следующие контексты: *А ты, боярин Дюк Степанович, // А и с нашим ты с Чурилой Пленковицем // А как возьмишь-ко* (на долги ты на годицёк // А ведь гуляти) (3); *И распорил тут Дюк да со Владимиром: // («Проношу, говорит, три года платье на обновочку!»)* (52); *А давай-ко мы с тобой да поровняймсе // (Кабы тыми-де мы платьём с тобой цветным)* (61); *Как занарядил Шурилу щана Плёнкова // (На три годик да ён [князь]*

выщипливать) (24).

Заметим, что во всех этих случаях ключевой смысл формулы оказывается заключен только в ее предикативной части.

При этом глаголы *расспорить* и *взяться (браться)* сами по себе содержат в первую очередь указание на некое обязательство (заклад), однако без семы ‘письменная фиксация’: *расспорить*, см. *спорить* о чем-л. – ‘биться о заклад, держать заклад’ (Даль) или ‘спорить на что-л., заключать, держать пари’ [СРНГ-40: 225; при этом для слова *расспорить* СРНГ такого значения не дает, см. СРНГ-34: 223]; *взяться*, см. *браться* – ‘принимать на себя обязательство что-н. выполнить’ (Ушаков).

В других же двух глаголах – *(по)равняться* и *(за)нарядить* – оказываются более акцентированы другие семы – ‘провокация’ и ‘приказ’ соответственно. Так, *равняться* – ‘меряться’ (Даль), ‘соперничать, тягаться’ (Ушаков); провокативный или «пригласительный» смысл этого глагола в данном случае поддерживается постфиксом и лексемой *давай (давай-ко поровняймсе)* со значением ‘приглашения к совместному действию’ (МАС). Глагол *занарядить*, в свою очередь, имеет значение ‘поручить кому-либо делать что-либо’ [СРНГ-10: 275], ср. *нарядить* – ‘назначать в дело’ (Даль); в данном случае состязание (щегольство) становится следствием не столько спора п. а. и г. (как это происходит традиционно), сколько результатом приказа ант. (князя).

Таблица 9. Варианты ФФ «Битье об заклад» – переходные структуры

ПЕРЕХОДНЫЕ СТРУКТУРЫ						
№	формула	компоненты формулы				
		глагол	субъект	предл.	прил.	объект
3	А ты, боярин Дюк Степановиц, А и с нашим ты с Чурилой Пленковицем А как возьмись-ко (... гуляти)	возьмись (гуляти)	ты, боярин Дюк Степановиц, с нашим Чурилой Пленковицем	—	—	—
24	Как занарядил Щурилу щапа Плёнкова (На три годику да ён выщипливать)	занарядил (выщипливать)	[он] Щурилу щапа Плёнкова	—	—	—
52	И расспорил тут Дюк да со Владимиром: («Проношу, говорит, три года платье на обновочку!»)	расспорил	Дюк со Владимиром	—	—	—
61	А давай-ко мы с тобой да поровняймсе (Кабы тыми-де мы платьём с тобой цветным)	(давай-ко) поворняймсе	мы с тобой	—	—	—

В заключение обратим внимание на два текста, где при наличии ТБФ «Предложение щापить» исследуемая формула представлена в крайне маргинальном варианте. Это тексты 8 и 57, в которых формула (и вообще весь ТБФ) выглядит следующим образом: *Ой ты гой еси, красно солнышко Владимир князь! // Уж пуцай пошлёт маменька ему одёжды самоцветные* (8) или *Ой ты гой еси, солнышко Владимир-князь! // Пускай-то, говорит, она ему пошлёт одежды самоцветные: // И кто кого перецеголет будет* (57). О наличии заклада ничего не говорится, побудительность заключена в частице *пускай*. Выраженная нехарактерность одновременно лексического наполнения и структуры данной конструкции для ФФ «Битье об заклад» при относительной, но все же очень условной функциональной близости, не позволяет нам отнести ее даже к изоморфным структурам.

2.3.3. Сведения о сути и/или сроке проведения состязания

Формула «сведения о сути и/или сроке проведения состязания» (кратко – «суть / срок заклада») входит в формульный ряд, описывающий различные пункты договора, заключаемого закладчиками – участниками будущего состязания, куда входят также формулы «указание на объект / сумму заклада», например, *О велик заклад о сорок тысячах* (82), *Не об злате, не об серебре, // А об своих буйных головах* (49), *Порок поставили пятьсот рублей* (32); а также «изложение условий заклада» (см. п. 2.3.4).

Таблица 10. ФФ «Суть / срок заклада» в «рябининской» традиции

41	На три году поры-времени, Чтоб проездить нам по городу по Киеву На добрых на конях богатырских
	<i>На три году поры-времени, Чтоб проездить им по городу по Киеву На добрых на конях богатырских</i>
18	На три году поры времени проездити На своих на добрых конях богатырских
15	Чтоб проездить нам на конях богатырских – Немало поры-времени – по три году

Не на мало поры-времени – на три году, А проездить на конях богатырских
--

Контексты из «рябининских» записей воплощают две возможности бытования этой формулы в тексте, первая из которых реализована в варианте 18, а вторая – в вариантах 41 и 15, то есть эта формула, как и «битье об заклад» может быть представлена в тексте и один раз – как часть только прямой речи (или только повествования), и два раза – и в составе реплики, и в повествовательной части, причем часто сказитель во второй раз повторяет ее практически дословно (так, в тексте Т. Г. Рябина 1860 года записи по требованиям логики изложения меняется только лицо личного местоимения, называющего участников заклада – *нам / им*).

В данной формуле традиционно указывается срок заклада и приводится глагол, называющий то действие, которое обязываются выполнять закладчики на протяжении этого времени, например, *На три году поры времени проездити // На своих на добрых конях богатырских* (18); ср. *Уж мы будем ходить да в церкви божии, // Уж мы будем ходить да все двенадцать дней* (59); *Щапить-басить по три года // По стольнему городу по Киеву* (67).

Как видно из этих примеров, формула в соответствии со своим наименованием обладает достаточно устойчивой смыслодержающей основой: *глагол + обстоятельство времени*. На месте глагола, называющего «суть» состязания, могут быть различные лексемы, причем очевидно, что выбор того или иного варианта и его формы зависит не только от ритмики былины, но и от сочетаемостных возможностей конкретного глагола: так, например, наиболее употребимые глаголы *ходить*, *щапить* и *ездить* с их словообразовательными и видовременными вариантами соотносятся с обстоятельствами *в церковь божью / ко службы церковные, по городу по Киеву* и *на конях богатырских / в чисто поле* соответственно. Что касается семантики возможных предикатов, то некоторые из них в смысловом отношении довольно близки, в частности в границах эпического повествования контекстуальными синонимами можно считать слова *щапить*

(выщипливать), гулять и щеголять, так как щипать = ‘щеголять напоказ’ (Даль). Интересно также обратить внимание на случаи, когда предикативную позицию занимает составное глагольное образование (*ехать поляковать, ходить щипать*) или словосочетание, образованное характерным для фольклора способом удвоения основ (*щепом щепить*), либо же слово-дуэт типа *щипать-басить* (*басить* – ‘то же, что и щипать, т. е. рядиться, наряжаться; щеголять’, см. Даль).

Оформление обстоятельства времени (то есть «указания на срок состязания») более устойчиво и имеет меньше отклонений от каноничной комбинации (*предл. + числит. + суц.*) – *на / по три год(ик/ич)а(у/ы)*. Так, вместо числительного *три* в нем бытует либо так же кратное фольклорным трем число *двенадцать* (*Уж мы будем ходить да в церкви божии, // Уж мы будем ходить да все двенадцать дней* (59)), либо местоимение (частично видимо по образцу следующей формулы «условия заклада»: *Чтоб на каждый день // Выезжать бы нам во чисто поле* (83)), реже – прилагательное (*на долги на годицёк, на целый год*). Место существительного, наряду со словом *год*, часто занимает лексема *день* (*дни*), но в одном случае вместо этих наиболее нормативных вариантов встречается слово *праздники* (замещающее одновременно все три частеречные позиции в составе обстоятельства): *Да ходит-то по праздникам во Божью церкофь* (68).

Что же касается менее регулярных распространителей «ядра» формулы, то их вариативность тоже ограничена: в состав формулы дополнительно могут входить наименование субъекта (лица, от которого требуется выполнение названного глаголом действия – как правило, в виде личных местоимений в форме 1 л. мн. ч. им. пад. (*мы*) и дат. пад. (*нам* (*с тобой / вдвоем*)), 2 л. ед. ч. им. пад. (*ты*) и мн. ч. дат. пад. (*вам*), а также 3 л. мн. ч. дат. пад. (*им*)) и относящиеся к глаголу обстоятельства образа действия и места, часто с устойчивыми эпитетами (*проездити на своих на добрых конях богатырских* (18), *ехать в чисто поле поляковать* (21), *приходить-ти ко службы церковные* (2), *ходить да в церкви божии* (59), *щипать-басить ... по*

стольному городу по Киеву (67)), либо же дополнения – сущ. в вин. пад. с прил.: *Как сошьём-ко мы да новы платиця* (85), *Да носить-то бы им да платьё цветной* (68).

Аmplифицируется формула только по одному пути – с помощью введения вспомогательного (чисто фольклорного по своему строению) обстоятельства времени, присоединяющемуся к каноническом указанию на три года – *на три году поры-времени* (41), ср. также *немало поры-времени – по три году* (15).

При этом ФФ «суть / срок заклада» очень неоднозначна с точки зрения ее синтаксического строения. Разбирая былинный синтаксис, всегда надо иметь в виду, что он подчинен особому ритму текста, предназначенному для устного ритмизированного исполнения (иногда с музыкальным сопровождением), поэтому часто в былинном тексте членение на предложения (редко совпадающее со стиховым) весьма условно, а семантические отношения между различными синтаксическими структурами нередко не могут быть определены однозначно. Особенности контекстуального и внутреннего синтаксиса часто объясняется и лексическое наполнение формул.

Что касается данной формулы, то она может представлять собой:

1. изъяснительное или определительное придаточное предложение в составе союзного сложноподчиненного нерасчлененного предложения с союзами *что / чтоб(ы)* или бессоюзного сложного предложения закрытой типизированной структуры с незамещенной синтаксической позицией, в котором роль главной части выполняет формула «битье об заклад», и опорное слово «заклад» требует дополнительной расшифровки – ответа на вопрос «о чем / какой именно заклад?», то есть собственно изложения условий планируемого состязания: (*Мы побьемся с Дюком о велик заклад,*) // ... **Чтобы** строком-времечком на три года // *Выезжать бы нам вдвоем да во чисто поле* (82), см. также вар. 15, 41, 22, 42, 81, 83; (*Ты ударь с нашим Чурилою велик заклад,*) // **Что** вам ехать в чисто поле поляковать // *Снова на ново, все на три года, // По*

три года да еще и по три дни (21); (А ты ударь-ко да с добрым молодцом // А о велик заклад да о большо дело) : // А приходит-ти ко службы церковные; (2); (Дак пусть ударит со мной о велик заклад) — // Щапить-басить по три года // По стольнему городу по Киеву (67), см. также вар. 18, 26, 32, 38, 39, 68, 86.

Кроме того, вопрос состоит и в пунктуационных особенностях текста конкретной записи, когда, например, вместо значимого в рамках бессоюзного сложного предложения двоеточия (или тире) ставится запятая или вовсе ничего не ставится, а между тем вторая строка в примерах типа (*Ударим с тобой о велик заклад*), // *Щепом щепить по три года (37)* или (*А билися оны о велик залог*) _ // *Щапить-гулять как ровно да три году (1)* (т. е. собственно ФФ «суть / срок заклада», см. также тексты 12, 16, 87) очевидно соотносится по структуре и семантике с придаточной частью сложного предложения;

2. самостоятельную синтаксическую конструкцию со значением побуждения, призыва к какому-л. действию, называемому основным для формулы глаголом,
 - а) стоящим в форме инфинитива: *Чурила Пленкович опять ударил о велик заклад:*) // *«Каждый день **выеждать** нам... (31); И **притти** гим да в церкву божью (85);* специфика подобных реализаций формулы состоит в отсутствии при инфинитиве традиционных для подобных случаев модальных операторов *надо / будем, станем* или побудительного разговорного слова *давай* – эти компоненты следует домысливать исходя из окружающего контекста и иных доступных реализаций ФФ; ср. также пример, где побудительную модальность привносит в предложение частица *да*: *Да **носить-то** бы им да платьё цветноё, // Да **ходить-то** по праздникам во Божью церкофь (68);*
 - б) находящимся в паре со вспомогательным глаголом *быть / начать* в составе сложной формы будущего времени со значением обязательного начала или повторения действия в будущем: (*А Чурила*

*был завистливый, // Говорит он да, верно, таковы слова:) // «Уж мы будем ходить да в церкви божии, // Уж мы будем ходить да все двенадцать дней (59) (в данном случае формула функционально занимает позицию ФФ «битье об заклад»); **Зачнем-ко мы с тобой щепом щепить на три года (38);** ср. следующий (единственный в своем роде) контекст: *Как сошьём-ко мы да новы платиця, // Как сойдём-то [в знач. ‘пойдем’ – М. Ц.] мы да во божью церковь, // Как сойдём туды мы ко всенощной (85).**

- с) классическое побудительное предложение в составе реплики ант., включающее соответствующие глагольные формы: *А проходи-ко ты да три года во божью церкву (2) или А как возьмись-ко на долги ты на годицёк // А ведь гуляти каждой деницёк (3).* В данном случае формула на практике выполняет функцию, подобную предложению заклада (в вар. 2 до этого п. а. предлагает ант. побиться об заклад с героем), но при этом формально и содержательно не противоречит нормативному варианту ФФ «суть / срок заклада»;
- д) часть составного именного сказуемого (с примыкающим к нему обстоятельством) в составе двухформульного повествовательного фрагмента ТБФ, где прямо констатируется факт заключения заклада на определенных условиях: *(И заклюцили тут они промежду собой) ходи(ть) // А-й три года ходить... (79); (Как занарядил Щурилу щана Плёнкова) // На три годик да ён [князь] выщанливаеть (24);*
- е) утвердительное предложение в составе реплики героя: *(Извольте, бейте об заклад великий,) // Буду щанить три года по городу по Киеву (39).*

Единственное изоморфное воплощение этой формулы, как кажется, можно обнаружить все в том же примере ТБФ из варианта 52 – в данном случае от канонической формульной конструкции фактически остается лишь словосочетание *три года*, а все остальное (судя по смыслу) «покрывается» другими «ядерными» формулами блока.

Таблица 11. Варианты ФФ «Сведения о сути / сроке проведения состязания»

ФФ «СУТЬ / СРОК ПРОВЕДЕНИЯ СОСТЯЗАНИЯ»										
№	формула	компоненты формулы								
		глагол	обстоят. образа действия / дополн. в вин. пад.	эпитет	субъект	локус (обстоят. т. места)	эпитет	предл.	числит. / местоим.	сущ. (обстоят. времени)
1	Щапить-гулять как ровно да три году	щапить-гулять	—	—	—	—	—	—	три	году
2	А приходить-ти ко службы церковные	приходить-ти	—	—	—	ко службы	церковные	—	—	—
	А проходи-ко ты да три года во божью церкву	проходи-ко	—	—	ты	во церкву	божью	—	три	года
3	... на долги ты на годицёк А ведь гуляти каждой деницёк,	гуляти	—	—	ты	—	—	на	(долгии) каждой	годицёк деницёк
12	О велик заклад да на три годичку, Ходить во черьков божию,	ходить	—	—	—	во черьков	божию	на	три	годичку
	О велик заклад да на три годичку.	—	—	—	—	—	—	на	три	годичку
15	Чтоб проездить нам на конях богатырских – Немало поры-времени – по три году,	проездить	на конях	богатырских	нам	—	—	по	три	году
	Не на мало поры-времени – на три году, А проездить на конях богатырских	проездить	на конях	богатырских	—	—	—	на	три	году
16	Ездить-то же нам на е по три годы, А по три годы-то нам же ездить по три дни, -	ездить(-то)	—	—	нам	—	—	по	три	годы / дни
	Ездить им же нунь по три годы, А по три годы то нам же ездить по три дни,	ездить	—	—	им	—	—	по	три	годы / дни
18	На три году поры времени проездити На своих на добрых конях богатырских,	проездити	на конях	добрых / богатырских	—	—	—	на	три	году
21	Что вам ехать в чисто поле поляковать Снова на ново, все на три года, По три года да еще и по три дни,	ехать поляковать	—	—	—	в поле	чисто	на по	три три	года года / дни
22	Чтобы ездить вам во чисто поле по три году, А по три году да еще по три дни,	ездить	—	—	вам	во поле	чисто	по	три	году / дни
24	На три годику да ён выщапливать...	выщапливать	—	—	—	—	—	на	три	годику
26	Щапить-басить да им по три года,	щапить-басить	—	—	им	—	—	по	три	года
31	Каждый день выезжать...	выезжать	—	—	—	—	—	—	каждый	день
32	Щепить-басить по три года По стольному по городу по Киеву,	щепить-басить	—	—	—	по городу по Киеву	стольному	по	три	года
37	Щепом щепить по три года,	щепом щепить	—	—	—	—	—	по	три	года

38	Зачнем-ко мы с тобой щепом щепить на три года,	(зачнем-ко) щепом щепить	—	—	мы с тобой	—	—	на	три	года
	Щеголять на три года,	щеголять	—	—	—	—	—	на	три	года
39	Который из нас прощипит ровно три года,	прощипит	—	—	который из нас	—	—	—	три	года
	Буду щипать три года по городу по Киеву».	(буду) щипать	—	—	—	по городу по Киеву	—	—	три	года
41	На три году поры-времени, Чтоб проездить нам по городу по Киеву На добрых на конях богатырских,	проездить	на конях	добрых / богатырских	нам	по городу по Киеву	—	на	три	году
	На три году поры-времени, Чтоб проездить им по городу по Киеву На добрых на конях богатырских,	проездить	на конях	добрых / богатырских	им	по городу по Киеву	—	на	три	году
42	Чтоб вам ехать в чисто поле поляковать,	ехать поляковать	—	—	вам	в поле	чисто	—	—	—
52	три года	—	—	—	—	—	—	—	три	года
	три года	—	—	—	—	—	—	—	три	года
59	«Уж мы будем ходить да в церкви божии, Уж мы будем ходить да все двенадцать дней,	(будем) ходить	—	—	мы	в церкви	божии	—	двенадцать	дней
67	Щипать-басить по три года По стольному городу по Киеву,	щипать-басить	—	—	—	по городу по Киеву	стольному	по	три	года
68	Да носить-то бы им да платьё цветноё, Да ходить-то по праздникам во Божью церкофь.	носить-то ходить-то	платьё	цветноё	им	во церкофь	Божью	по	—	праздникам
79	И заключили тут они промежду собой ходи(ть) А-й три года ходить...	ходить	—	—	—	—	—	—	три	года
81	Об великий заклад да на три годицька, Чтобы ходить да нам с тобой во церковь божию	ходить	—	—	нам с тобой	во церковь	божию	на	три	годицька
	Об велик заклад да й на три годицька. «И как ходить-то нам с тобой во церковь божию,	ходить-то	—	—	нам с тобой	во церковь	божию	на	три	годицька
82	Чтобы строком-времечком на три года Выезжать бы нам вдвоем да во чисто поле,	выезжать	—	—	нам вдвоем	во поле	чисто	на	три	года
83	Положим мы на целый год, ... Чтоб на каждый день Выезжать бы нам во чисто поле,	(положим) выезжать	—	—	мы нам	во поле	чисто	на	целый каждый	год день
85	Как сошьём-ко мы да новы платьица, Как сойдём-то мы да во божью церковь, Как сойдём туды мы ко всенощной,	сошьём-ко сойдём-то сойдем	платьица	новы	мы	во церковь ко всенощной	божью	—	—	—
	И притти гим да в церкву божию,	притти	—	—	гим	в церкву	божию	—	—	—
86	... щипать целый год...	щипать	—	—	—	—	—	—	целый	год
87	Ходить щипать по городу по Киеву по три году,	ходить щипать	—	—	—	по городу по Киеву	—	по	три	году

2.3.4. Изложение условий заклада (требований к участникам)

Формула «изложение условий заклада (требований к участникам)» (кратко – «условия заклада») примыкает к предыдущей формуле и, как уже было упомянуто, входит с ней в один ряд, но здесь называются более конкретные правила состязания – обычно это требование смены платьев (нарядов), что непосредственно согласуется с целью заклада – щегольством, и коней на протяжении названного в предыдущей формуле времени, например, *Чтобы кажнѣй день одежица носить нам снова-на-ново, // Снова-на-ново носить бы что ни лучшая* (18) или *А на каждѣй бы да на господен день // Чтобы конюшки да были сменные, // Цветны платьица да были б разные* (82). Отсюда выраженная смысловая и структурная связь формул «суть / срок заклада» и «условия заклада»: крайне редко первая, появляясь в былинке, не «ведет» за собой вторую.

Эта формула более остальных «ядерных» формул ТБФ подвержена амплификации, но реже всех дублируется в одном и том же тексте в качестве компонента разных композиционных частей блока (это происходит только в 6 из 25 текстов). Можно предположить, что эти тенденции некоторым образом взаимосвязаны – там, где формулы дублируются, они представляют собой не более 4 былинных строк, но, с другой стороны, более объемные реализации формулы, включающие 8 и 10 строк (с исключительно похожими способами амплификации), очень редки (см. вар. 21 и 42, причем запись первого из них производилась со слов А. Е. Чукова, а второй текст приписывается неизвестному исполнителю, но оба они записаны в Олонецкой губернии, что формирует возможность некоторой атрибутивной гипотезы относительно текста 42).

Вариативный потенциал данной формулы в составе ТБФ «Предложение щापить» можно рассмотреть на примере классических «рябининских» текстов:

Таблица 12. ФФ «Условия заклада» в «рябининской» традиции

41	На собе носить одежицу бы сменную, Сменную одежицу-то каждый день, Каждый день носить одежа снова на ново, Снова на ново да что ни лучшая.
	<i>На себе носить одежицу бы сменную, Сменную одежицу-то каждый день, Каждый день носить одежа снова на ново, Снова на ново одежа драгоценная.</i>
18	Чтобы кажный день одежица носить нам снова-на-ново, Снова-на-ново носить бы что ни лучшая.
15	А сменять нам одёжицу драгоценную Кажный день да й с нова наново, С нова наново да чтоб не лучшую.
	А сменять одёжу с нова наново.

Почти точное дублирование формулы происходит только в двух из них – 41 и 15, а в тексте 18 формула встречается единожды – как элемент реплики п. а. Во всех трех случаях представлена минимальная версия формулы (с требованием посуточной смены нарядов, но не коней¹⁸), которая подвергается амплификации (ср. пример с полным отсутствием таковой: *На каждый день носить платьица переменныя* (37)) по наиболее распространенной схеме¹⁹: кроме традиционной комбинации глагола и зависимых от него обстоятельства (образа действия / времени) и/или дополнения (как правило, с согласованным определением), в составе формулы в данном случае (помимо очень характерных для фольклора простых

¹⁸ В варианте 3 встречается уникальная трехчастная версия этой формулы: *А во всякой день во платье во сменное, // А во всякой день да на лошадушке сменной, // А каретушка чтобы была сменная.*

¹⁹ Другой, менее распространенный (он встречается как раз в двух наиболее объемных вариантах ФФ – 21 и 42) и функционально скорее факультативный способ амплификации данной формулы состоит в прибавлении к простой формулировке двух возможных условий – о платьях и/или о конях – дополнительных уточняющих конструкций типа *чтобы в три года такого цвету / шерсти не было* или случаев вроде *Чтоб на всякий день платья были сменныя, // ... Снова на ново, все на три года, // На три года, да еще на три дни* (21), причем если в тексте 21 последняя формулировка дублирует подобную же конструкцию в предшествующей формуле «суть / срок заклада», то в тексте 42 она является не повторением, а самостоятельным воплощением мысли, обычно характерной для «сути / срок заклада», но в данном случае встроенной в формулу «условия заклада».

лексических повторов) появляются союз *чтоб(ы)* и второе дополнение, выраженное личным местоимением в дат. пад. (*а сменять нам одежицу драгоценную*) или возвратным местоимением в предл. пад. (*на себе носить одежицу бы сменную*); в иных контекстах эту позицию занимают личные местоимения в форме род. пад. типа *у нас* (16), *у тя* [тебя] (2), либо их сочетания, напр., *нам с тобой* (81). В формулу также может встраиваться дополнительная уточняющая конструкция типа *снова-на-ново носить бы что ни лучшая* (по принципу построения и функционирования сходная с оборотом *во велик заклад да ты не в малыи* при ФФ «битье об заклад»; ср. в вар. 81 – *чтобы лучше и того и цвету не было*), причем определение при дополнении (в данном случае – *одежица*) тоже заменяется или дополняется подобным же выражением, занимающим синтаксическую позицию второго обстоятельства образа действия при глаголе (...*одежица носить нам снова-на-ново* (18); *А сменять нам одежицу драгоценную // Каждый день да й с нова наново* (15); *На себе носить одежицу бы сменную, // ... Каждый день носить одежда снова на ново* (41)).

Что касается ядерных компонентов формулы, то диапазон изменений в них достаточно скромнен и обычно состоит в механической замене лексем в соответствии с законами сочетаемости и конкретным контекстом. Например, место сказуемого (или просто глагола) в разных реализациях формулы могут занимать три лексемы – *быть* (наиб. часто), *(с/пере)менять(ся)* и *носить*, причем преобладание глагола *быть* в различных формах вполне логично следует из того, что модель формулы типа *А чтобы были-то платья сменныи, // А чтобы были кони переменныи* (3) значительно опережает по популярности модель типа *А на сякой день, чтобы платья сменялисе, // А лошадушки у тя переменялисе!* (2), в которой семантика ‘смены’, обычно передающаяся с помощью определения, выражается с помощью однокоренного глагола.

Единожды встречается глагол *держать* в значении ‘издерживать, расходовать, тратить’ [СРНГ-8: 20–23] (см. вар. 81: *И как держать да нам с*

тобой да цветно платьице). Интересно, что ни в одном неспециализированном толковом словаре такое значение у глагола *держатъ* не зафиксировано, а в СРНГ в списке примеров устойчивых сочетаний с этим глаголом типа *держатъ поруку / поворот / опочив* [т. е. отдыхать] и проч., такого сочетания как *держатъ платья* нет. Действительно, даже в рамках данной былины, для которой мотив щегольства наиболее характерен, это уникальный случай – конкретно о необходимости смены платьев в нем не упомянуто, однако тот факт, что их необходимо каким-то образом расходовать, предполагает определенное движение в нарядах, что некоторым образом согласуется со стандартным смыслом формулы.

Есть также и варианты формулы вовсе без глагола, так как он уходит в предшествующие формулы «битье об заклад» и/или «суть / срок заклада», например, (*И сделали заповедь великую – щанить целый год*) // *И всё во сменных во платьицах* (86); см. также тексты 16, 26, 31, 38 и 79. Подобного рода особенности указывают на общее единство, неразмыкаемость всех формул одного блока, на наличие в нем сквозных смысловых и синтаксических связей, что опять же доказывает возможность и правомерность его выделения во всем тексте былины.

Другой вариант изменений, доступных данной формуле, еще проще – это синонимические замены типа *каждый* (*кажен, кажно/ый*) / *всяко/ий* (*съякой*), (*день*), *кони* (*конюшки*) / *лошадушки*, *платье* (*платьица*) (в значении ‘одежда, носимая поверх белья’ – Ожегов) / *одежища*.

При слове *платье/я* в качестве определения наиболее часто встречается прилагательное *с/переменное/ья*, единожды встречается другое прилагательное с подобной семантикой – *разныя*. Их можно считать синонимами не только по контексту, но и по наличию в них и с объективной точки зрения общей семы ‘чередование различных единиц’, что подтверждается данными толковых словарей: *сменный* – ‘время от времени сменяемый’ (Ожегов), *переменный* – ‘меняющийся, непостоянный, чередующийся с чем-л.’ (МАС), *разный* – ‘иной, другой, не один и тот

же' (БТС). Реже позицию определения при данном существительном занимают другие, более образные, контекстуальные синонимы – *платья цветные / драгоценные* (*цветное платьице* – 'дорогая одежда, украшенная драгоценностями' [СРНГ-27: 100]). Иногда встречаются комбинации из различных по смыслу прилагательных вроде *цветны* (краткая форма) *платьица разные*.

Один раз в формуле определение появляется в нехарактерной для него позиции – в составе обстоятельства времени при слове *день* (см. устойчивое сочетание *господен день* в вар. 82).

Принцип вариации предлога при этом обстоятельстве (*на* или *в(о)*) установить затруднительно, можно лишь указать, что правильное с точки зрения современного русского языка употребление словосочетания *каждый день* без предлога встречается крайне редко (в 4 случаях из 30). Это наблюдение вполне согласуется с традиционным для жанра былины обилием предложных конструкций, что объясняется в том числе необходимостью поддержания определенного ритма на протяжении всего текста (см. часто встречающиеся повторы предлогов вроде *по стольнему по городу по Киеву*, любой из которых может быть пропущен, если требуется сменить ритмический рисунок строки).

Особенное место среди множества вариантов формулы занимают примеры из текстов 38 и 86: *Что день, то платье переменное* (38) и (*И сделали заповедь великую — щипить целый год*) // *И всё во сменных во платьицах* (86). Из элементов, в норме присущих формуле, в них включены лишь обстоятельство и дополнение. Оригинально в этих двух контекстах прежде всего оформление первого: вместо нормативного обстоятельственного сочетания *предл. + местоим. + сущ.* в первом случае представлена неполная форма устойчивого сочетания *что (ни) + сущ.* с семантикой повторяемости какого-либо действия / явления (см. Даль – *что день, что ни день* = 'каждый [день], ежедень'), а во втором – разг. наречие *всё*, значение которого в данном контексте может быть истолковано двояко: либо 'все время, постоянно', либо

‘только, исключительно’ (МАС), ср. подобные контексты из НКРЯ: *Впрямую отец не говорил ничего, всё намеками, шуточками.* [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)] и *Всё от этих, от штабных, беспорядок весь, – проворчал он.* [Л. Н. Толстой. Война и мир. Том первый (1867-1869)].

Таблица 13. Варианты ФФ «Изложение условий заклада» – классическая модель

КЛАССИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФФ «ИЗЛОЖЕНИЕ УСЛОВИЙ ЗАКЛАДА»							
№	формула	компоненты формулы					
		обстоятельство			глагол	дополнение	
		предл.	местоим.	сущ.		сущ.	прилаг.
1	На каждой день видь платье переменные, Сменные были, переменныи.	на	каждой	день	—	платье	переменные
2	А во всякой день во платье во сменное, А во всякой день да на лошадушке сменной, А каретушка чтобы была сменная.	во	всякой	день	—	(во) платье	(во) сменное
		во	всякой	день	—	(на) лошадушке	сменной
	А на сякой день, чтобы платья сменялисе, А лошадушки у тя переменялисе!».	—	—	—	(чтобы) была	каретушка	сменная
3	А чтобы были-то платья сменные, А чтобы были кони переменныи».	на	сякой	день	сменялисе	платья	—
		—	—	—	переменялисе	лошадушки	—
15	А сменять нам одёжицу драгоценную Каждый день да й с нова наново, С нова наново да чтоб не лучшую».	—	каждый	день	были-то	платья	сменные
		—	—	—	были	кони	переменныи
16	В каждый день да платьица-ты сменные, Чтобы конюшки у нас да были сменные».	—	—	—	сменять	одежицу	драгоценную
		—	—	—	сменять	одежу	—
18	Чтобы конюшки у нас да были сменные».	в	каждый	день	—	платьица-ты	сменные
		—	—	—	были	конюшки	сменные
18	Чтобы каждый день одёжица носить нам снова-на-ново, Снова-на-ново носить бы что ни лучшая».	—	каждый	день	носить	одежица	—
21	Чтобы на всякий день кони были сменные И сменные кони переменные, Чтобы в три года такой больше не было; Чтоб на всякий день платья были сменные, Цветная платья переменныя, Снова на ново, все на три года, На три года, да еще на три дни, Чтобы в три года такого цвету не было».	на	всякий	день	были	кони	сменные
		на	всякий	день	были	платья	сменные
22	Чтобы на всякий день кони были сменные, Чтобы сменные да переменные, А шерсти такой да бы не было, А платье на всякий день было сменное, Чтобы цвету такого да не было,	на	всякий	день	были	кони	сменные
		на	всякий	день	было	платье	сменное
26	На каждый день да платья сменные.	на	каждый	день	—	платья	сменные
31	(Каждый день выеждять нам) на конях сменных; И чтобы платья были в каждый день сменные.	—	—	—	—	(на) конях	сменных
		в	каждый	день	были	платья	сменные

37	На каждый день носить платъица переменныя;	на	каждый	день	носить	платъица	переменныя
38	Да что день, то платье переменное».	—	(что)	день	—	платье	переменное
	Что день, то платье переменное.						
39	Чтобы были в каждый день платья переменная и кони переменные,	в	каждый	день	были	платья	переменная
		—	—	—	—	кони	переменные
41	На собе носить одежду бы сменную, Сменную одежду-то каждый день, Каждый день носить одежда снова на ново, Снова на ново да что ни лучшая».	—	каждый	день	носить	одежду	сменную
	На себе носить одежду бы сменную, Сменную одежду-то каждый день, Каждый день носить одежда снова на ново, Снова на ново одежда драгоценная.						
42	Чтоб на всякой день были кони сменные, Сменные кони переменныя, Снова на нова, все на три года, На три года да еще на три дни, Чтобы в три года такой шерсти не было; Чтоб на всякий день платья были цветныя, Цветныя платья переменныя, Снова на нова, все на три года, И на три года, да еще на три дни, Чтобы в три года такого цвета не было;	на	всякой	день	были	кони	сменные
	Чтоб на всякий день платья были цветныя, Цветныя платья переменныя, Снова на нова, все на три года, И на три года, да еще на три дни, Чтобы в три года такого цвета не было;	на	всякий	день	были	платья	цветныя (переменныя)
59	И на каждый день чтоб было платье сменное, Платье сменное да переменное».	на	каждый	день	было	платье	сменное
79	(И заключили тут они промежду собой ходи(ть) А-й три года ходить,) каждый день — платьё сменное.	—	кажный	день	—	платьё	сменное
81	И как держать да нам с тобой да цветно платьице, Чтобы лучше и того и цвету не было».	—	—	—	держать	платьице	цветно
	Чтобы кажен день было да платье сменное, Платье сменное, да платье цветное, Чтобы лучше и того и цвету не было».	—	кажен	день	было	платье	сменное (цветное)
82	А на каждый бы да на господен день Чтобы конюшки да были сменные, Цветны платьица да были б разные».	на	каждый	день	были	конюшки	сменные
		—	—	—	были (б)	платьица	(цветны) разные
83	Чтобы конюшки были сменные, Цветны платьица чтоб на каждый день были разные».	—	—	—	были	конюшки	сменные
		на	каждый	день	были	платьица	(цветны) разные
86	(И сделали заповедь великую — шапить целый год) И всё во сменных во платьицах;	—	—	(всё)	—	(во) платьицах	(во) сменных
87	И на каждый день носить платья сменные.	на	каждый	день	носить	платья	сменные

Однако, стоит учесть, что несмотря на некоторую вариативность (пусть и регулируемую необходимостью фиксации ключевого смысла) и большие возможности расширения формулы, она имеет сравнительно мало спорных реализаций – только 4 из 30 контекстов выбиваются из классической модели формулы.

При этом, как кажется, лишь в одном случае их стоит считать близкими к маргинальным – это два практически дублетных контекста из не раз обсужденного выше всесторонне спорного ТБФ из текста 52, в котором ни одна формула по факту не отвечает своим классическим характеристикам. Здесь упомянуто, что герой и его противники (три боярина) собираются носить «три года платье на обновочку», то есть о некоем регулярном обновлении нарядов все-таки идет речь, но не в каноническом компонентном оформлении. Вторая проблема состоит в том, что сами эти формулы представляют собой некоторый структурно-смысловой гибрид из «битья об заклад», «сути / срока заклада» и «условий заклада» (что в позитивном ключе может быть истолковано как доказательство крепкой спаянности этих формул в контексте ТБФ).

Другие два примера ближе к канону, но их скорее следует считать изоморфами. Эти реализации «синонимичны» друг другу и совпадают практически точь в точь, ср. *Надевать платье на раз, // На другой **платье** не перенашивать* (32) и *Надевать платья на раз, на другой не перенашивать* (67), что неудивительно, так как эти тексты были записаны от одного и того же сказителя (И. П. Сивцева) с разницей максимум в 10 лет (в 1860-70 гг.). Здесь специфика состоит в передаче классического смысла с помощью иной синтаксической конструкции, построенной по противительному принципу, и соответственно других лексических средств. Единственное, что оказывается упущено, это указание на «каждый день» (нет обстоятельства времени, только образа действия), так как номинация «на раз» совсем не обязательно абсолютно тождественна ему по смыслу, однако характерная для формулы

идея о необходимости смены платьев через фиксированный промежуток времени сохраняется и оказывается выражена довольно ясно.

2.4. Выводы из главы

Обобщая все наблюдения, сделанные в процессе анализа 4 «ядерных» формул ТБФ «Предложение щапить», можно установить, что центральное место в каждой из них занимает глагол, который задает определенную тему, а иногда и заключает в себе основной смысл всей формулы (что согласуется с выраженной динамичностью былинного повествования – о динамизирующей функции глагола в былинном тексте см. напр. Лорд 1994: 70).

В каждой формуле есть ядерные и факультативные элементы, причем у разных формул разное количество закрепленных компонентов – где-то это почти вся формула («условия заклада»), где-то ее смысловое ядро («оформление реплики», «битье об заклад»), а где-то как правило устойчиво удерживается лишь принцип построения, но не его конкретное словесное наполнение («суть / срок заклада»).

Таким образом, оказывается, что каждая новая реализация одной и той же формулы представляет собой в сущности новую конструкцию, которая, однако, почти никогда не противоречит тем смысловым и лексическим рамкам, которые выставляет для нее традиция (иначе формулу невозможно «узнать» в тексте и вычленить из него) – так на уровне ФФ проявляется взаимодействие константности и пластичности, присущих языку любого ФТ и в частности – языку былины.

Заключение

Итак, в силу естественных свойств былины как жанра устной поэзии, определить объем понятия «формула» применительно к ней очень сложно, но поэтическая традиция так или иначе предполагает наличие в памяти сказителя некоего «идеального образца», на который он всякий раз ориентируется при исполнении своего «варианта».

В данной работе с учетом обширного корпуса лингвофольклористических исследований и конкретных задач принимается следующее рабочее определение фольклорной (былинной) формулы: формула – это минимальная четко оформленная речевая структура, манифестирующая определенную целостную и завершенную мысль, воспроизводимая, а потому вычленимая из данного текста и способная входить в другие тексты отличного содержания, но для выражения той же мысли. Эти качества формулы указывают на ее полную смысловую и структурную завершенность.

Наряду с термином ФФ, при работе с эпическим текстом для обозначения «надформульных» структур предлагается использовать понятия СБФ и ТБФ. Выдвижение такого предложения по преобразованию и дополнению актуальной теоретической базы былиноведения не противоречит заявленной теме работы, так как направлено на прояснение и уточнение, в первую очередь, внешних показателей (оформления и объема) былинной формулы, а также ее внутренних (смысловых) свойств, сочетание которых, в свою очередь, определяет ее способность к вариации.

Имеющийся в нашем распоряжении текст одной былины «ДС и ЧП» представлен в 88 записях, т.е. исполнительских вариантах – в работе анализируются те из них, в которых искомый ТБФ представлен так, что его содержательная цельность, композиционное расположение и структурная узнаваемость сохранены.

Материал исследования составляют 166 контекстов – различные реализации «ядерных» формул ТБФ «Предложение щипить», на примере которых рассмотрены разноуровневые и разномасштабные механизмы

варьирования ФФ. Анализируемые формулы (как и любые другие ФФ), отражая конкретные фрагменты жанровой картины мира, закрепленной в былине, демонстрируют достаточно высокую устойчивость компонентного состава, а всякая вариация в них санкционируется наличием определенного текстового канона, представляющего собой структурно-смысловое единство.

При этом наличный материал куда больше, чем тот, который подвергается анализу в работе. Думается, что методика, представленная в настоящей ВКР, может быть использована в дальнейших исследованиях о природе ФТ (в частности, былины) и ФФ и особенностях их вариативности.

Кроме того, перспективу работы составляет возможность проверки внешней (разные тексты) и внутренней (разные варианты одного текста) валидности выдвинутой теории членения былинного текста, а выводы, сделанные на основании приведенного анализа, в дальнейшем могут быть дополнены за счет более глубокого анализа каждой из записей рассматриваемой былины на всех трех уровнях (СБФ, ТБФ и ФФ).

ИСТОЧНИКИ

1. **АБРА** – Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева / подг. текстов А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948.
2. **АБС-1/2** – Былины Севера / записи А. М. Астаховой. Т. I, М.–Л., 1938; Т. II, М.–Л., 1951.
3. **Б25-1/4/8** – Свод русского фольклора. Былины в 25 томах Т. I, М.-СПб, 2001; Т. IV, М.-СПб, 2004; Т. VIII, М.-СПб, 2018.
4. **БПЗБ** – Былины Печоры и Зимнего Берега: (Новые записи) / изд. подг. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.–Л., 1961.
5. **БПК** – Былины Пудожского края (под ред. А. М. Астаховой). Петрозаводск, 1941.
6. **БСДС** – Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова / изд. подг. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко. СПб, 2002.
7. **Был.** – Былины / изд. подг. Б. Н. Путилов. Л., 1986.
8. **ГАБИП-2** – Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа в 3 т. Т. II. СПб, 2003.
9. **ГОб** – Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб, 1873.
10. **МББ** – Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901.
11. **ОПБ** – Печорские былины / записи Н. Е. Ончукова. СПб, 1904.
12. **ПСК-3** – Песни, собранные П. В. Киреевским. Ч. 1, вып. 3. М., 1861.
13. **ПСР-1/2/3/4** – Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 1–4. М., 1861.
14. **РЭПК** – Русские эпические песни Карелии / изд. подг. Н. Г. Черняева; науч. ред. Б. Н. Путилов. Петрозаводск, 1981.
15. **СОБ** – Онежские былины / подбор текстов и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова; М., 1948.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Азбелев 1982** – *Азбелев С.Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Ленинград, 1982.
2. **Аникин 1980** – *Аникин В.П.* Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин. М., 1980.
3. **Аникин 2004** – *Аникин В.П.* Русское устное народное творчество: Учеб. для вузов. М., 2004.
4. **Арсентьева 1989** – *Арсентьева Е.Ф.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках). Казань, 1989.
5. **Артеменко 1993** – *Артеменко Е.Б.* Принципы организации народнопесенных текстов: былинное текстообразование // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. №3. С. 57–68.
6. **Артеменко 2005** – *Артеменко Е.Б.* Фольклорная формула и устнопоэтическая традиция // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Ч. II. Воронеж, 2005. С. 99–108.
7. **Астафьева 1993** – *Астафьева Л.А.* Сюжет и стиль былин: автореф. дис. ... доктора филол. наук. Москва, 1993.
8. **Бердникова 2011** – *Бердникова Д.В.* Сюжетный инвариант и вариативность в фольклорных текстах среднеанглийского периода (на материале англо-шотландской баллады) // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2011. №.5. С. 7–15.
9. **Буслаев 1987** – *Буслаев Ф.И.* Русский богатырский эпос, русский народный эпос. Воронеж, 1987.
10. **Васильева 2004** – *Васильева Ю.В.* Повтор как принцип организации фольклорного текста (лексико-синтаксический повтор в произведениях русского и англо-шотландского фольклора): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004.
11. **Венгранович 2004** – сайт – *Венгранович М.А.* Традиционность как базовая стилевая черта фольклорного текста // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2004. С. 96–110 [электронный ресурс] // https://elibrary.ru/download/elibrary_20677017_39301583.pdf (дата обращения: 19.05.24).

12. **Веселовский 2013** – *Веселовский А.Н.* Избранное: Эпические и обрядовые традиции. М., 2013.
13. **Волков 1957** – *Волков Р.М.* К проблеме варианта в изучении былин // Русский фольклор : материалы и исследования. Т. II. М.-Л., 1957. С. 98–128.
14. **Габель 1927** – *Габель М.О.* Форма диалога в былине // Наукові записки науково-дослідчої катедри історії української культури. 1927. № 6. С. 315–328.
15. **Докукина 1998** – *Докукина М.А.* Об использовании лексемы славный в текстах Рябинина // Фольклорная лексикография. 1998. №16. С. 13–18.
16. **Докукина 1995** – *Докукина М.А.* О варьированности фразеологических единиц в текстах былин // Фольклорная лексикография. 1995. №. 4. С. 33-35.
17. **Докукина 1997** – *Докукина М.А.* Устойчивые словесные комплексы идиоматического характера в текстах былин: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 1997.
18. **Долгов 2008** – *Долгов В.В.* Русский героический эпос как источник реконструкции элементом сознания народа Древней Руси XI-XIII веков: к вопросу об эпической картине социального быта // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2008. №15 (116). С. 15–22.
19. **Егорова 2016** – *Егорова О.А.* Традиционные формулы как знаковая характеристика фольклорного произведения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. №. 9-1. С. 270–274.
20. **Жуков 1986** – *Жуков В.П.* Русская фразеология: учеб. пособие для филол. спец. вузов. М., 1986.
21. **Киреева 2001** – *Киреева С.И.* Типология портрета фольклорного персонажа (на материале былины) // Фольклор и литература: проблемы изучения. Воронеж, 2001. С. 116–125.
22. **Козловский 2017** – *Козловский С.В.* Древняя Русь в зеркале былинной традиции. Гендер, сакральность и социальные практики в героическом эпосе. СПб, 2017.
23. **Козловский 2009** – *Козловский С.В.* История и старина: мировосприятие, социальная практика, мотивация действующих лиц. Ижевск, 2009.
24. **Колесов 2007** – *Колесов В.В.* Русская ментальность в языке и тексте. СПб, 2007.

25. **Колотова 2018** – *Колотова Н.И.* Окказиональные и «темные» слова в собрании былин Кирши Данилова // Лингвофольклористика. 2018. №. 28-1. С. 38-50.
26. **Кузьмина 2014** – *Кузьмина М.Ю.* Сопоставительный анализ лексики былинного текста (на материале группы "двор, наименование построек и частей двора") // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. №7-1 (37). С. 109–112.
27. **Кузьмина 2015** – *Кузьмина М.Ю.* Устойчивое и вариативное в лексиконах русских былин: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2015.
28. **Лазутин 1981** – *Лазутин С.Г.* Поэтика русского фольклора: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. М., 1981.
29. **Липатова 2013** – *Липатова А.П.* К вопросу о вариативности фольклорного текста // Антропологический форум. 2013. № 18-online. С. 3–27.
30. **Липец 1969** – *Липец Р.С.* Эпос и Древняя Русь. М., 1969.
31. **Лихачев 1967** – *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967.
32. **Лозовой 2013** – *Лозовой И.В.* «Общие места» (loci communes) как художественный прием певцов и сказителей русских былин: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2013.
33. **Лозовой 2011** – *Лозовой И.В.* Поэтика сказительства (решенные и нерешенные вопросы «общих мест» (loci communes) в русском эпосоведении) // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. №4. С. 12–15.
34. **Лорд 1994** – *Лорд А.Б.* Сказитель. М., 1994.
35. **Лю Даян 2019** – *Лю Даян* Фразеологизмы в русской поведенной речи: типология и функционирование: дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2019.
36. **Мальцев 1989** – *Мальцев Г.И.* Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики (Исследование по эстетике устно-поэтического канона). Л., 1989.
37. **Мальцева 2017** – *Мальцева Т.И.* К вопросу об интерпретации устойчивых фрагментов фольклорного текста // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. VII. №2. С. 64–67.
38. **Миллер 1869** – *Миллер О.Ф.* Илья Муромец и богатырство Киевское. СПб, 1869.

39. **Миронов 2021** – *Миронов А.С.* К вопросу о функциональной классификации былинных сюжетов // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2021. №. 3. С. 12–31.
40. **Миронов 2020** – *Миронов А.С.* Эпос русских: актуализация. М., 2020.
41. **Неклюдов 1996** – сайт – *Неклюдов С.Ю.* Варьирование как механизм фольклорной коммуникации // [электронный ресурс] // <https://web.archive.org/web/20150419103925/http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov48.htm> (дата обращения: 19.05.24).
42. **Никитина 2000** – сайт – *Никитина С.Е.* Предмет и метод лингвофольклористики [электронный ресурс] // https://www.ruthenia.ru/folklore/Nikitina_tezisi.html (дата обращения: 19.05.24).
43. **Оссовецкий 1975** – *Оссовецкий И.А.* О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. №5. 1975. С. 66–77.
44. **Петров 2017** – *Петров Н.В.* Русский эпос: герои и сюжеты. М., 2017.
45. **Пропп 1999** – *Пропп В.Я.* Русский героический эпос. М., 1999.
46. **Прохоров 2002** – *Прохоров А.А.* О мифологической основе сюжета конного состязания в славянских исторических преданиях и фольклоре // Балто-славянские исследования XV. М., 2002. С. 410–454.
47. **ПС 2019** – *Праведникова Л.В., Супряга С.В.* Сложные колоративные прилагательные в словаре языка русской былины // Пространство фольклора, литературы и педагогики. Курск, 2019. С. 34–38.
48. **Путилов 1994** – *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. СПб, 1994.
49. **Разина 2019** – *Разина А.С.* Методы изучения фразеологических единиц // «Филология и лингвистика». 2019. № 3 (12). С. 21–23.
50. **Разумова 1984** – *Разумова И.А.* Повествовательный стереотип в русской волшебной сказке: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.
51. **Родионов 2009** – *Родионов М.С.* Информационное поле былин киевского цикла // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2009. № 17 (155). С. 64–70.
52. **Позднеев 1964** – *Позднеев А.В.* Общие места и «перенесения» в былинах // Проблемы истории литературы: труды кафедр советской и русской литературы. М., 1964. С. 65–86.

53. **Потебня 1941, IV** – *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. IV. М.-Л., 1941.
54. **Садова 2003** – *Садова Т.С.* Народная примета как текст: лингвистический аспект. СПб, 2003.
55. **Селиванов 1988** – *Селиванов Ф.М.* Русский эпос. М., 1988.
56. **Селиванов 2009** – *Селиванов Ф.М.* Поэтика былин в историко-филологическом освещении: композиция, художественный мир, особенности языка. М., 2009.
57. **Скафтымов 2007** – *Скафтымов А.П.* Поэтика и генезис былин // Скафтымов А.П. Поэтика художественного произведения. М., 2007.
58. **Степанова 2018** – *Степанова И.А.* «Живой и неживой мир» в языке былин, исторических и лирических песен // Лингвофольклористика. 2018. №28–2. С. 36–42.
59. **Супряга 2020** – *Супряга С.В.* Исконная и заимствованная колоративная лексика в текстах русских былин // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. №. 2. С. 265–279.
60. **Топорова 2014** – *Топорова Т.В.* О номинациях воды в былинах // Вопросы филологии. 2014. №1 (46). С. 49–55.
61. **Ухов 1957** – *Ухов П.Д.* Типические места (loci communes) как средство паспортизации былин // Русский фольклор: материалы и исследования. Т. II. М.-Л., 1957. С. 129–154.
62. **Фатиева 2015** – *Фатиева Н.М.* Добрый в русских былинах // Incipio. 2015. №10. С. 46–51.
63. **Хайрнурова 2013** – *Хайрнурова Л.А.* Традиционные формулы в фольклорном тексте (на материале русских и башкирских волшебных сказок): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2013.
64. **Халанский 1885** – *Халанский М.Г.* Великорусские былины Киевского цикла. Варшава, 1885.
65. **Харитонов 1996** – *Харитонов В.И.* Концепт вера в былине // Фольклорная лексикография. 1996. №5. С. 28–29.
66. **Хроленко 1995** – *Хроленко А.Т.* Еще раз о коэффициенте новизны для лексики былин // Фольклорная лексикография. 1995. №3. С. 3–6.
67. **Хроленко 1992** – *Хроленко А.Т.* Семантика фольклорного слова. Воронеж, 1992.

68. **ЧА 2004** – *Черванева В.А., Артеменко Е.Б.* Движение, пространство, время, событие в былинном эпосе // Черванева В.А., Артеменко Е.Б. Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира (на материале эпических жанров). Воронеж, 2004. С. 143–170.
69. **Черноусова 2014** – *Черноусова И.П.* Сватовство и женитьба в былинах // Русская речь. 2014. №6. С. 96–101.
70. **Черноусова 2012** – *Черноусова И.П.* Фольклорные формулы: на пересечении традиции и текста (на материале былин) // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2012. Т. XVIII. №2. С. 106–110.
71. **Черноусова Хвастовство 2012** – *Черноусова И.П.* Хвастовство в былинах // Русская речь. 2012. №5. С. 98–106.
72. **Черноусова 2015** – *Черноусова И.П.* Язык фольклора как отражение этнической ментальности (на материале фольклорной концептосферы русской волшебной сказки и былины): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Елец, 2015.
73. **Чистов 1986** – *Чистов К.В.* Народные традиции и фольклор. Л., 1986.
74. **Чистов 2005** – *Чистов К.В.* Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005.

СЛОВАРИ

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб, 2000.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка [электронный ресурс] // <https://lexicography.online/explanatory/dal/> (дата обращения: 19.05.24).
3. **ДМ 1983** – Словарь сочетаемости слов русского языка / ред. П.Н. Денисов, В.В. Морковкин. М., 1983.
4. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1999. [электронный ресурс] // <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/> (дата обращения: 19.05.24).
5. **РАС 2002** – сайт – Русский ассоциативный словарь / ред. Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др.: в 2 т. М., 2002. [электронный ресурс] // <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 19.05.24).

6. Словарь русского языка: в 4-х т. / ред. А.П. Евгеньева. М., 1999. [электронный ресурс] // <https://lexicography.online/explanatory/mas/> (дата обращения: 19.05.24).
7. **СРНГ 2 / 7 / 8 / 10 / 11 / 27 / 34 / 35 / 40 / 46 / 48** – Словарь русских народных говоров. М.-Л., 1966–2015.
8. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушаков. М., 1935–1940. [электронный ресурс] // <https://lexicography.online/explanatory/usakov/> (дата обращения: 19.05.24)

Приложение 1. Выходные данные 38 записей былины «ДС и ЧП»

№	код ²⁰	сказитель	название	место записи	год
1	СОБ, 21	Якушов Г. А.	Дюк Степанович ²¹	Пудога, р. Шала, д. Семеново	1928
2	СОБ, 71	Миронов П. Е.	Дюк Степанович	Пудога, р. Шала, д. Семеново	1928
3	СОБ, 88	Конашков Ф. А.	Дюк Степанович	Пудога, р. Шала, д. Семеново	1928
4	ОПБ, 24	Поздеев П. Р.	Дюк Степанович	Печора, с. Устьцыльма	1902
5	МББ, 15	Крюкова А. М.	Дюк	Зимний берег Белого моря, д. Нижняя Зимняя Золотица	1899
8	АБС-1, 30	Семёнов Н. К.	Дюк Степанович	Мезень, д. Белошелье	1928
9	АБС-1, 71	Носов В. П.	Дюк Степанович	Печора, с. Устьцыльма	1929
12	АБС-2, 149	Трухавая А. Ф.	Дюк Степанович	Заонежье, Кижы, д. Липовицы	1932
15	АБРА, 7	Рябинин-Андреев И. Г.	Боярин Дюк Степанович	Петроград (Кижы, д. Гарницы)	1921
16	ГОБ, 9	Калинин П. Л.	Дюк	Повенец, д. Горка	1871
18	ГОБ, 85	Рябинин Т. Г.	Дюк	Кижы, д. Серёдки	1871
21	ГОБ, 152	Чуков А. Е.	Дюк Степанович	Кижы, д. Горка	1871
22	ГОБ, 159	Касьянов И. А.	Дюк	Кижы (Чолмужи), д. Космозеро	1871
24	ГОБ, 213	Федулов П. А.	Дюк	Пудога, Водлозеро, д. Бостилово	1871
26	ГОБ, 230	Воинов П. А.	Дюк	Прионежье, Кенозеро, д. Рыжково	1871
30	ПСР-4, 9	Кореляк В. Л.	Дюк Степанович ²²	Прионежье, Выгозеро, д. Кяменицы	1860-е
31	ПСР-4, 10	Савинов А.	Дюк Степанович	Пудога, д. Ранина гора	1864
32	ПСР-3, 29	Сивцев И. П.	Дюк Степанович	Прионежье, Кенозеро	1860-е
37	ПСР-2, 28	калика Латышов	О Дюке Степановиче	Каргопольский уезд, Бережно-Дубровский погост	1860
38	ПСР-2, 29	калика	О Дюке Степановиче	Каргопольский уезд, д. Красные Ляги	1861
39	ПСР-2, 30	Сорокин А.	О Дюке Степановиче	Пудога, д. Сумозеро	1861
41	ПСР-1, 48	Рябинин Т. Г.	О молодом боярине Дюке Степановиче	Кижский погост	1860
42	ПСР-1, 49	неизв. исп. (от П. О. Б.)	О молодом боярине Дюке Степановиче	Олон. губ.	1859
49	Б25-1, 141	Осташов И. К.	Дюк Степанович и Чурила Пленкович ²³	Печора, д. Смекаловка	1938
52	Б25-4, 143	неизв. исп.	Дюк Степанович и Чурила Пленкович	г. Мезень	1860-е
57	Б25-4, 146	Семенов Н. К.	Дюк Степанович и Чурила Пленкович	Мезень, д. Белошелье	1928
59	Б25-1, 148	Кузьмин Т. С.	Дюк Степанович и Чурила Пленкович	Печора, д. Тельвиска	1956
61	Б25-1, 150	Вокуев Г. В.	Дюк Степанович и Чурила Пленкович	Печора, с. Усть-Цыльма	1963
67	Был., 42	Сивцев И. П.	Дюк Степанович	Прионежье, Кенозеро, д. Немятова	1871
68	ГАБИП-2, 230	Садков Е. Д.	Дюк Степанович	Кúлой ²⁴ , д. Немнога	1901
79	ГАБИП-2, 213	Орехов И. И.	«А-й жыл-был Микитушка, богат человек...» ²⁵	Кúлой, д. Ореховская	1901
80	РЭПК, 8	Степанова И. А.	Боярин Дюк Степанович	Заонежье, д. Подъельники	1935
81	РЭПК, 18	Трухавая А. Ф.	Дюк Степанович	Заонежье, д. Липовицы	1938
82	РЭПК, 23	Пашкова А. М.	О Дюке Степановиче	Пудога, д. Семеново	1941
83	БПК, 10	Пашкова А. М.	Дюк Степанович	Пудога, Петрозаводск	1937
85	БПК, 37	Ремизов Н. А.	Про Дюка Степановича	Пудога, Петрозаводск	1938
86	БПК, 57	Фадеева А. Л.	Про Дюка Степановича	Пудога, д. Ижгора	1938
87	БПК, 60	Родин Н. Е.	Про Дюка Степановича	Пудога, д. Нешина	1938

²⁰ сборник, № текста в сборнике

²¹ названия в СОБ указаны обычные, традиционные, если сказитель сам не давал иного (во всех 3 случаях, рассм. нами (вар. 1, 2, 3), названия даны условно)

²² в сборнике Рыбникова (ПСР) былины разделены не по сказителям, от которых они записаны, а по сюжетам; отсюда присваивание одинакового наименования всем текстам на один и тот же сюжет (соотв., группы 30-31, 32, 37-39 и 41-42)

²³ в 25-томном издании былин тексты, как у Рыбникова, разделены не по исполнителям, а по сюжетам, поэтому наименование у всех текстов одного сюжета одинаковое

²⁴ расп. между Мезенью и Пинегой

²⁵ былина представляет собой контаминацию различных сюжетов: Молодость Добрыни, купанье, бой со змеей и Ильей Муромцем и приезд его в Киев; Состязание Дюка с Чурилой сменными платьями

Приложение 2. Показательные примеры СБФ, ТБФ и ФФ

№ текста	41	18	15
	СБФ «ЩЕГОЛЬСТВО»		
ТБФ	ФОРМУЛЫ (ФФ)		
ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЦАПИТЬ	Ко этиим ко столикам дубовым Подходит Чурилушка Пленкович В одной тонкой рубашечке без пояса, В одних тонких чулочиках без чоботов. Говорил ему Чурила таковы слова:	А й Щурилушко-тог Плёнкович по горенки похаживат, Таковы слова Щурило поговариват:	Говорит тут Щурилушка-та Плёнкович:
	«Что же ты, холопина дворянская, поросхвастался Своим именным и богатством?»	«Что же ты холопина дворянска поросхвастался А й своим ты да имениём богатством, Поросхвастался уедами ты сладкими, Да й поросхвастался ты питьями медвяными?»	«Ай же ты, холопина дворянская, Что расхвастал ты имением-богатством,
	Ударим-ка со мною о велик заклад	То ударим-ко со мною да велик заклад:	А ударим-ка со мной ты во велик заклад, Во велик заклад да ты не в малыи,
	На три году поры-времени, Чтоб проездить нам по городу по Киеву На добрых на конях богатырских,	На три году поры времени проездити На своих на добрых конях богатырских,	Чтоб проездить нам на конях богатырских – Немало поры-времени – по три году,
	На себе носить одежицу бы сменную, Сменную одежицу-то каждый день, Каждый день носить одежа снова на ново, Снова на ново да что ни лучшая».	Чтобы каждый день одежица носить нам снова-на-ново, Снова-на-ново носить бы что ни лучшая».	А сменять нам одежицу драгоценную Каждый день да й с нова наново, С нова наново да чтоб не лучшую».
	Говорит ему Дюк таковы слова:	Молодой боярин Дюк Степанович Говорил Щурилу таковы слова:	Говорит тут боярин Дюк Степанович:
	«Просишь ты, Чурила Пленкович, Бить со мною о велик заклад:	«Ай жо молодой Щерилушка ты Плёнкович! Тоби просто бить со мною о велик заклад,	«Ай же ты, Щурилушка-то Плёнкович, Теби просто со мной биться во велик заклад,
	Как живешь ты в своем стольно-Киеве, Кладовья-то полны одежицы наполнены:	Как живешь ты в своем городе во Киеве. У вас полны кладовьи-ты одежицы накладены,	Ты живешь во городе во Киеве У того ль у князя у Владимира, Кладовые-ты есть да цветна платица».
	А мое ведь дело есть дорожное, Мое платьице, стало, здесь завозное».	У мене есте одежица дорожная, Мои платьица да все завознии».	—
	И ударил с ним Дюк Степанович о велик заклад	—	Он тут бился со Щурилушкой в велик заклад, А в велик заклад еще й не в малыи ²⁶ ,
	На три году поры-времени, Чтоб проездить им по городу по Киеву На добрых на конах богатырских,	—	Не на мало поры-времени – на три году, А проездить на конях богатырских,
На себе носить одежицу бы сменную, Сменную одежицу-то каждый день, Каждый день носить одежа снова на ново, Снова на ново одежа драгоценная.	—	А сменять одёжу с нова наново.	
ПИСЬМО	Тут Дюк Степанович, княженецкий сын, Скорешенько садился на черлений стул, Скоро он писал письма скорописчаты,	Молодой боярин Дюк Степанович Ен скорешенько садился на черлений стул, Ен писал-то письма скорописчаты Ко своей ко родноу ко матушке:	Молодой тут боярин Дюк Степанович А садился он да на ременьчат стул, А писал он письма й скорописчаты А своей ли да й родной матушки,
	—	«Ай же свет моя ты родна матушка! Да й повручь-ко меня ты со неволушки, Спод того ли спод закладу спод тяжелаго;	А писал он в письмах скорописчатых: «Ай же, свет моя ты родна й матушка, А ты выручи меня с беды великой,
	—	Ты пошли-тко мне одежицы снарядной, Чтоб хватило на три года поры времени,	А пошли-ка ты одёжу драгоценной, Что хватило бы одёжи мне на три году
	—	Да держать чтобы одежа снова-на-ново, Снова-на-ново держать да чтобы каждый день, Что ни каждый день держать да что ни лучшая».	Одевать одёжу драгоценную Каждый день да й с нова наново».
	Писал-то он эти письма, запечатывал, Полагал во сумки переметныя, И выходил-то Дюк на широкий двор К своему коню ко богатырскому, Полагал он эти сумки переметныя	Молодой боярин Дюк Степанович Он прошол полатой белокаменной, Выходил-то он боярин на широкий двор, Он приходит ко добру коню да к богатырскому, Полагает он камверт да под седельшко,	Запечатал письма й скорописчаты, Скоро шел по горенке столовой, Выходил тут молодец да на широкий двор, Положил он письма под седельшко ²⁷ , Он берет коня за поводы шелковыи,

²⁶ после ТБФ «Посылка платья»

²⁷ далее – после обращения к коню

	Под славное седельшко Черкасское И отпущал добра коня да во чисто поле.	Отпущал коня он богатырского,	Выводил коня он за широкий двор, Да й спускал коня во чисто поле.
	—	Говорил коню он таковы слова: «Побегай-ко ты мой добрый конь да богатырский Да й во славу во Индеюшку в богатую, А й бежи-тко ты на славный на широк на двор, Ко своим-то конюхам любимым».	Говорил коню он таковы слова: «Ты беги, мой конь, в Индеюшку богатую А к моёй родителю ко матушки, Привези ты мне одежду драгоценную».
	Пошел-то его добрый конь чистым полем Во славную Индеюшку в богатую. Прибегает добрый конь на широкий двор, На широкий двор на княженецкий.	Побежал-то его добрый конь да богатырский Да й по славному роздольищу чисту полю, Пробежал он во Индеюшку в богатую, Прибегал он в славный Волян-город А й на свой-то он да на широкой двор.	Яго добрый конь да й богатырский Побежал в Индеюшку й богатую, Пробежал он по раздольищу чисту полю, Через эти все заставы велики, Прибегал в Индеюшку богатую, Забегал он на славный на широкий двор.
	Усмотрели его Дюковы конюхи любимые, Что прибегал-то добрый конь от Дюка Степановича, И сказали его родителю-матушки, Честной вдовы Настасьи Васильевны:	Усмотрели ёго конюхи любимыи, Приходили-то ко Дюковой ко матушке, Ко честной вдовы Настасьи ко Васильевной, Приходили оны к ней да поклонялися:	Увидали тут коня да й слуги верныи, Оне бежат в палаты белокаменны Да й во тую ль горницу столовую, Да й ко той ко Дюковой ко матушки, Говорят они да й таковы слова:
	«Видно нет жива Дюка Степановича».	«Ты честна вдова Настасья да Васильевна! Прибегал-то Дюков конь да на широк на двор».	«Ай же свет честна вдова Настасья да Васильевна! Прибегал ведь Дюков конь да из чиста поля, Из чиста поля на наш широкий двор».
ДОГАДКА	Тут она скорешенько бежала на широкий двор, Подходила ко добру коню, Сама горько она заплакала, И говорила-то она таковы слова:	Тут сидит она да и горько заплакала:	Так тут свет честна вдова заплакала Женским голосом да й во всю й голову:
	— Мой любимый сын Дюк Степанович Положил буйну головушку На матушке на святой Руси! —	«Молодой боярин Дюк Степанович Положил свою буйну головушку Да й на матушке на славной на святой Руси».	«Ай же, свет мое ты чадо милое, Молодой боярин Дюк Степанович, Ты сложил там наверно буйну головушку, А на той ли матушки святой Руси».
ПОСЫЛКА ПЛАТЬЯ	Подходят к ему конюхи любимые, И стали как добра коня расседлывать, И под этым седельшком Черкасским, На том на потнищке семишолоковом Нашли оны сумки за печатями, Подают оны честной вдовы Настасьи Васильевной.	Подошла она к коню да к богатырскому, Приказала-то добра коня расседлывать; Расседлали-то добра коня да й богатырскаго, Там нашла она камвертик...	Поскореньку выходила на широкий двор, Приказала добра коня расседлывать. Оны стали добра коня расседлывать, Они сняли седлышко й черкальское, Оттуль выпали письма скорописчаты.
	Берет она скоренько во белы руки, Скоро на скоро сумочки распечатала, Она вскоре-то смотрела эти письма скорописчаты, Весьма то она дело взрадовалася, Что жив-то ея любимый сын Дюк Степанович, княженецкий сын;	... распечатала, Посмотрела что у Дюка написано.	Свет честна вдова Настасья да й Васильевна А брала она письма й во белы руки, А брала она письма й распечатала, Прочитала письма скорописчаты,
	Приказала своим конюхам любимым Насыпать коню пшены белойрой, Подносить велит свежей ключевой воды;	—	—
	Сама скоренько шла в палаты белокаменны, Брала-то она золоты ключи, Шла она во погреба глубокие, С собою брала-то оценщикков, Оценщикков брала и разценщикков.	Она скоро шла в полату белокаменну, Она брала-то скоренько золоты ключи, Шла на тья кладовыя на платёныи,	Да й брала она тут золоты ключи, Она шла на погребы глубокии,
	И складали, и укладали одежицу драгоценную И дали сметы на три году поры-времени, Всякой день носить одежда снова на ново, Снова на ново одежда драгоценная.	Полагала-то одежи снова-на-ново, А й на три году да поры времени, Да й набила-то ведь сумки переметныи;	А брала одежду й драгоценную, Не на мало поры-времени – на три году,
	Приказала своим конюхам любимым Седлать коня да богатырскаго: Под седельшко Черкасское Полагали потничек оны шелковенький, Шелковенький потничек не дёржанный, И под этот потничек полагали письма скорописчаты, И ко этому седельшко Черкасскому Правязали-то одежи драгоценныи; И отпущали коня в стольно-Киев град.	Она кинула скоренько на добра коня Через этоё седельшко черкасское, Отпустила-то коня да в стольне-Киев град.	Приносила она к тому добру коню, Положила й на седельшко черкальское, Выводила коня да й за широкий двор, Да й спускала в раздольище чисто полё.
	Шел-то добрый конь чистым полем, — не замешкался; Он скорешенько прибегал в стольно-Киев град	Пошел добрый конь да по чисту полю, Прибегал-то он да в стольне-Киев град	Побежал тут добрый конь да й по чисту полю, Пробежал он к етым заставам великим,

	Ко князю ко Владимиру на широкий двор.	Да й ко славному-то князю на широкой двор.	Пробежал он заставы великии На славну на матушку да на святую Русь, Прибежал во славный стольне Киев-град, Забегал ко князю на широкий двор.
	Выходил Дюк Степанович на широк двор, От этого седельшка Черкаскаго Он снимает одежду драгоценную, Испод потника шелковенького Вынимает он письма скорописчаты От своей родителя от матушки, От честной вдовы Настасьи Васильевны.	Молодой боярин Дюк Степанович Выходил-то он да й на широкой двор, Подходил-то он к коню да к богатырскому, Да он брал-то сумки переметныя, Брал-то эти сумки, распечатывал, Посмотрел-то на одежи драгоценныи, Положил эти сумки за крепкой замок.	Молодой боярин Дюк Степанович Он стретал тут своего добра коня, Он берет свою одёжу драгоценную.
ЩЕГОЛЬСТВО-1	Пришел в палату белокаменну И одел одежи драгоценныя: И поехали по городу по Киеву С молодым Чурилушкой Опленковым На своих на добрых конях богатырских.	Стал одежицы оттуля Дюк понашивать, На добром коне стал со Щурилою поезживать; Ездят каждый день оны да и по городу, Да й по городу ездят по Киеву,	Молодой боярин Дюк Степанович Оны с тым Щурилою Плёнковым Оны ездят по городу по Киеву, Каждый день с утра до вечера,
	Стали оны ездить-то день за день, День за день и още год за год, Проездили поры-времени по три году,	Да й проездили они по год поры, Да проездили оны да еще другой год, Да й проездили еще оны и третий год.	А проездили молодцы по год поры, А проездили молодцы й по два году, Да й проездили молодцы й по три году.
	Последний день поехали к заутрени Христовския.	Как по третий год да й на последний день Им поехать надобно к обеденке Христовскою.	Теперь надоть им итти да й во божью церкву Одявать одёжу драгоценную А ко той христовскоей заутренней.
ЩЕГОЛЬСТВО – ЧУРИЛА	Молодой Чурилушка Пленкович Надел-то он одежицу драгоценную:	Молодой Щурилушко-то Пленкович Надевал одежицу снарядную, Ен снарядную одежицу хорошеньку: У рубашечки манешечки шелковеньки,	Молодой Щурилушка тут Плёнкович Одевал свою одёжу драгоценную, — А сапоженьки на ноженьки сафьянныи, На себя одел он кунью й шубоньку, Перьва строчка рочёна красным золотом, Друга строчка рочёна чистым серебром, Третья строчка рочёна скатним жемчугом,
	—	—	—
	—	—	—
	Строчечка одна строчена чистым серебром, Другая строчена красным золотом;	Кунью шубку он надел на плечка на мочучии, Еще строчка строчена-то чистым серебром, Друга строчка строчена так красным золотом,	А ведь в тыя петелки шелковые Было вплетено по красной по девушки, А во тыи пуговки серебряны Было влито по добром по молодцу, Как застёгнутся – оне обоймутся, А расстёгнутся, дак поцелуются,
	В пуговки воплетано по добром по молодцу, В петелки воплетано по красной по девушке: Как застёгнутся, так обоймутся, А разстенутся, и поцелуются.	Петелки-ты вшиваны шелковыи, Пуговки положены да золоченыи; А й во этии во петелки шелковыи А то вплетано по красной по девушки, В эвты пуговки-ты в золоченыи А й то вливано по добром по молодцу: Как застёгнутся, так и обоймутся, Порастёгнутся, так поцелуются.	На головку шапка й соболина.
	—	—	—
	Поглянул Владимир на праву руку На молода Чурилушку на Пленкова, Говорил-то Владимир таковы слова: — Молодой Дюк Степанович, княженецкий сын, Прозакладал все свое имение-богачество!	— —	— —
ЩЕГОЛЬСТВО – ДЮК	А молодой Дюк Степанович, княженецкий сын, Он одел одежицу драгоценную:	Молодой боярин Дюк Степанович Ен надел одежицу да все снарядную, Ен снарядную одежицу хорошеньку: Ен рубашечки шелковеньки,	Молодой боярин Дюк Степанович Одевал свою одёжу й драгоценную, — А сапоженьки на ноженьки сафьянныи, На себя одел он кунью й шубоньку, Перьва строчка й строчена красна золота, Друга строчка й строчена чиста серебра, Третья строчка й строчена скатна жемчугу,
	—	—	—
	—	—	—
	Строчечка строчена в одежде чистым серебром, Другая строчена красным золотом;	Он недел еще свою да кунью шубоньку, Одна строчка строчена так чистым серебром, Друга строчка строчена-то красным золотом,	А во тыи ль петелки шелковыи Было вплетено по красной по девушки, А во тыи пуговки серебряны Было влито по добром по молодцу; Как застёгнутся – оне обоймутся, А расстёгнутся, дак поцелуются,
	В пуговки воплетано по добром по молодцу, В петелки воплетано по красной по девушке: Как застёгнутся, так обоймутся, А разстенутся, и поцелуются;	Петелки-ты вплетаны шелковеньки, Пуговки-ты вливаны да золоченыи, В петелки-ты вплетано по красной по девушке, А й во пуговки-ты вливано по добром по молодцу: Как застёгнутся, так и обоймутся, А й ростёгнутся, так поцелуются.	На головку одел шапочка семи шелков, Во лбу введен был светёл месяц, По косицам были звезды частыи, На головушки шелом как быдто жар горит.
На головушке у Дюка сделана шляпонька: Спереду так введено красно солнышко, И сзади введён светёл месяц, На верховице шляпы быдто жар горит.	У молодаго у Дюка у боярина На головушку надета есте шапочка, - Спереду введен да то светел месяц, А й вокруг-то введены-то звезды частыи,		

		Наверху шелом как быдто жар горит.	
	Говорил ему тихий Дунаюшка Иванович:	—	—
	«Ты Владимир, князь стольно-киевский! Посмотри-тко теперь на леву руку:	—	—
	Молодой Чурилушко Опленкович Прозакладал свою буйную головушку».	—	—
ЩЕГОЛЬСТВО-2	—	А й пришли-то молодцы оны в Божью церковь.	Тут удалья дуродни добры молодцы А пошли молодцы да й во божью церковь А ко той христовьской ко заутреной, Приходили молодцы да й во божью церковь.
		—	По праву руку князя Владимира Становился Щурилушка тут Плёнкович,
		—	По ляву руку князя Владимира Становился боярин Дюк Степанович.
		Как Владимир князь-от стольнѣ-киевской Поглянул-то ведь Владимир на праву руку, На молодого Щерилушку на Плёнкова, Говорил Владимир таковы слова:	Тут Владимир князь да стольне-киевский Посмотрел на правую сторонушку, Увидал Щурилушку он Плёнкова, Говорил он таковы слова:
		«Молодой боярин Дюк Степанович Прозакладал все имение богатство А молодому Щурилушке-то Плёнкову».	«Молодой боярин Дюк Степанович Прозакладал буйную головушку».
		Говорил Пермин-то сын Иванович, Говорил ён князю-то Владимиру:	Говорил Спермечь тут сын Иванович:
		«Ты Владимир князь да стольнѣ-киевской! Посмотри-тко ты да на леву руку:	«Ты, Владимир князь да стольне-киевский, Посмотри-ка на леву ты сторонушку,
		Молодой Щурилушка-тог Плёнкович Прозакладал ён свою буйну головушку».	Молодой Щурилушка ведь Плёнкович Прозакладал свою буйную й головушку».
		Тот Владимир князь да стольнѣ-киевской Посмотрел-то он да на леву руку, На молодого на Дюка на боярина,	—
		Как одежица на нем да что ни лучшая, Шапочка надета на головушку, Спереду введен да и светел месяц, По косицам введены да звезды частьи, А шелом на шапочке как быдто жар горит.	—
ЭФФЕКТ	—	—	Молодой Щурилушка тут Плёнкович Стал он плеточкой по пуговкам поваживать, Так тут стали пуговки посвистывать.
		—	—
		Молодой боярин Дюк Степанович Берет плеточку шелкову во белы ручки, Провел плеточкой шелковой по белой груди, -	Молодой боярин Дюк Степанович Стал тут плеточкой по пуговкам поваживать,
		Еще петелки-ты свицут по-соловьему, А й то пуговки кричат-то по-звериному.	Засвистали пуговки по соловьиному, Заревели пуговки да й по звериному.
		Молодой боярин Дюк Степанович По белой груди стал плеточкой поваживать, А й народ стал падать на кирпичной мост	—
		От того от посвисту соловьяго, От того от покрыку зверинаго.	Чернет-народ тут все и попадали.
		Говорил ёму Владимир князь да стольнѣ-киевской: «Молодой боярин Дюк Степанович! Перестань-ко водить плеткой по белой груди, Тоби полно-тко ронить да людей чернети».	Говорит тут князь Владимир стольне-киевский: «Ай же ты, боярин Дюк Степанович, Перестань ты водить плеткой по белой груди, Полно валить-та теби чернить».

Приложение 3. Реализации ТБФ «Предложение щापить»

№	формула
1	<p>Тут Чурилушка был ли Плёнкович, А билися оны о велик залог Щапить-гулять как ровно да три году На каждой день видь платье переменные, Сменны были, переменны.</p>
2	<p>А говорил тут Цюрила щапа Пленковиц: «А уж ты, солнышко князь стольнё-киеськой, А ты не вирь-ко послам неверным, А не вирь-ко ли им да холопиям! Ены взяли злата да серебра, А ни хотели оны дела, дела делати. А ты ударь-ко да с добрым молодцом А о велик заклад да о большо дело: А приходить-ти ко службы церковные А во всякой день во платье во сменное, А во всякой день да на лошадушке сменной, А каретушка чтобы была сменная».</p> <p>А говорил тут солнышко князь стольнё-киеськой: «А уж ты, славной Дюк да Степановиц, А проходи-ко ты да три года во божью церкву А на сякой день, чтобы платья сменялисе, А лошадушки у тя переменялисе!».</p> <p>А говорит Дюк да таковы слова: «А не больна беда стрясась, не большо дело. А напешу я грамотку да родной матушке, А буде все мне оттуль да приготовлено. А уж ты, солнышко князь стольнё-киеськой, А не верил бы Чурилы щапе Пленкову, А не накидывал наметок на меня бы он. А ему бы, Чурилу шапу Пленкову, А не со мной сидеть ему, — с девкамы, А ему с девкамы да еще с бабама!».</p>
3	<p>А говорил ли тут Владимир-князь: «А ты, боярин Дюк Степановиц, А и с нашим ты с Чурилой Пленковицем А как возмись-ко на долги ты на годицёк А ведь гуляти каждой деницёк, А чтобы были-то платья сменны, А чтобы были кони переменны».</p>
4	<p>Подходит Чурило к Дюку Степановичу: — Давай ударимся об велик заклад, Которой котораго платьем цветным перещепат. Говорит на это Дюк Степанович: «У тебя дело домашнее, У меня дело заезжее, — Дай сроку на суточки, Съездить по платье цветное».</p> <p>Дават ему Чурило время срочнаго на суточки, Ударились во велик заклад, Не во сто рублей, не во тысячи, О своих да буйных головах.</p>

5	Как ударились они с Щурилушкой всё Пленковым Шьчо о ту-ли они заповедь великую.
8	«Ой ты гой еси, красно солнышко Владимир князь! Уж пушай пошлёт маменька ему одёжды самоцветные».
9	<p>А говорит опять Чурило да благо-Плёнкович: «А ты ой еси, Дюк да сын Степанович! (Ай которой мы можем), Да пойдём туда во божью церковь, А ударимса с тобой о велик заклад, Не о ста ле рублей ле о тысяци, Ай о своей ле буйной да буйной головы».</p> <p>А на это Дюк да соглашайтца. Да ударились ребята о велик заклад, А-яй не о ста рублей да не о тысяци, О своей-то о буйной головы. Ай говорил то ле Дюк да сын Степанович: «Уж ты ой еси, Чурило да благо-Плёнкович! А у мяя то дело приезжее, Да у мяя надо ехать за чисто полё, А-ей достать платье право цветноё».</p>
12	<p>Подходил к нему Самсонушка Самойлович: «Да какой же понаехал богатырь Дюк Степанович Что ничим ево не мочи уштрафити. Уж как станем-ка битыцэ о велик заклад, О велик заклад да на три годичку, Ходить во черьков божию, У которого лучче одёжа будет, Которой которово перефарщивеет».</p> <p>Говорил-то тут боярен Дюк Степанович: «А тиби просто, Самсон Самойлович, Битьце о велик заклад. Сам-то ты при доми, да и одёжа у тя при доми, А у мяя платьев что на сиби, А хлеба что и в брюхе».</p> <p>Ну побилса он с Самсоном о велик заклад, О велик заклад да на три годичку.</p>
15	<p>Говорит тут Щурилушка-та Плёнкович; «Ай же ты, холопина дворянская, Что расхвастал ты имением-богачеством, А ударим-ка со мной ты во велик заклад, Во велик заклад да ты не в малыи, Чтоб проездить нам на конях богатырских – Немало поры-времени – по три году, А сменять нам одёжицу драгоценную Кажный день да й с нова наново, С нова наново да чтоб не лучшую».</p> <p>Говорит тут боярин Дюк Степанович: «Ай же ты, Щурилушка-то Плёнкович, Теби просто со мной битыся во велик заклад, Ты живешь во городе во Киеве У того ль у князя у Владимира, Кладовые-ты есть да цветна платица».</p>

	<p>Он тут бился со Щурилушкой в велик заклад, А в велик заклад еще й не в малыи , Не на мало поры-времени – на три году, А проездить на конях богатырских, А сменять одёжу с нова наново.</p>
16	<p>И стоит же тут Чурилушка сын Пленкович, Говорил же тут Чурила сын же Пленкович: «Ай же ты мужик да деревенщина, А пустым ты мужик да нуньчу хвастаешь! Ты убил купця либо боярина, Снял же тут сапожки да зелен сафьян, Сам же ты сапожков знать не держивал, Все же на сапожки ты поглядывашь. А ударим-ко боярин во велик залог, Ездить-то же нам на е по три годы, А по три годы-то нам же ездить по три дни, - В каждый день да платица-ты сменнии, Чтобы конюшки у нас да были сменнии». Молодой боярин Дюк Степанович Бил же тут с Чурилой о велик залог, Ездить им же нунь по три годы, А по три годы то нам же ездить по три дни, А который же из нас лучше повыступит, Другому из нас да голова рубить.</p>
18	<p>А й Щурилушко-тот Плёнкович по горенки похаживат, Таковы слова Щурило поговариват: «Что же ты холопина дворянска поросхвастался А й своим ты да имениём богачеством, Поросхвастался уедамы ты сладкима, Да й поросхвастался ты питьямы медвяныма? То ударим-ко со мною да велик заклад: На три году поры времени проездити На своих на добрых конях богатырских, Чтобы кажный день одежица носить нам снова-на-ново, Снова-на-ново носить бы что ни лучшая». Молодой боярин Дюк Степанович Говорил Щурилу таковы слова: «Ай жо молодой Щерилушка ты Плёнкович! Тоби просто бить со мною о велик заклад, Как живешь ты в своем городе во Киеве. У вас полны кладовии-ты одежицы накладены, У мене есте одежица дорожная, Мои платица да все завознии».</p>
21	<p>Говорил Владимир стольный киевский: «Я вижу, что ты молодец захвасливый; Ты ударь с нашим Чурилою велик заклад, Что вам ехать в чисто поле поляковать Снова на ново, все на три года, По три года да еще и по три дни, Чтобы на всякий день кони были сменные И сменные кони переменные, Чтобы в три года такой больше не было; Чтоб на всякий день платья были сменния, Цветная платья переменная, Снова на ново, все на три года, На три года, да еще на три дни,</p>

	Чтобы в три года такого цвету не было».
22	Тут проговорил Владимир стольний-киевский: «Ай же ты молодой боярин Дюк Степанович! А ты молодой боярин сам захвастливый. Ты ударь-ко с нашим Чурилушкой Пленковичем о велик заклад: Чтобы ездить вам во чисто поле по три году, А по три году да еще по три дни, Чтобы на всякий день кони были сменные, Чтобы сменные да переменные, А шерсти такой да бы не было, А платье на всякий день было сменное, Чтобы цвету такого да не было, А на третий день вам итти да ко Божьей церкви. А который из вас добрее выступит, А другому из вас да голова рубить!».
24	Как занарядил Шурилу шапа Пленкова На три годика да ён выщипывать...
26	Да и тут Дюк с Чурилой прирасхвастались, Ударили да о велик заклад, О велик заклад да о пятьсот рублей, — Щапить-басить да им по три года, На каждый день да платья сменные.
30	Во Киеве был Чурила Пленкович Щапливый, Говорит он князю Владимиру таково слово: «Я богатея себя Дюка перещиплю: Мне всем Киевом платья шьют».
31	Чурила Пленкович опять ударил о велик заклад: «Каждый день выезжать нам на конях сменных; И чтобы платья были в каждый день сменные».
32	И тут Чурилу стало зазорко, Сам говорит таково слово: «Свет Государь ты, Владимир князь! Когда правдой детина похваляется, Пусть ударит со мною о велик заклад: Щепить-басить по три года По стольному по городу по Киеву, Надевать платье на раз, На другой платье не перенашивать». И ударились они в велик заклад, Порок поставили пятьсот рублей: Который из них не перещепит, С того взять и пятьсот рублей.
37	Говорит Чурилушка Пленкович: «Ударим с тобой о велик заклад, Щепом щепить по три года, На каждый день носить платьица переменныя; Ударимся не о сотнях, не о тысячах, Ударим о своей буйной головы?».
38	И за тем столом дубовым Сидит Чурила Пленковиц, И сам говорит таково слово:

	<p>«Ах, боярский сын Дюк Степанович! Не пустым ли ты хвастаешь? Да ударимся-ко мы с тобой во велик заклад: Зачнем-ко мы с тобой щепом щепить на три года, У котораго платья больше есть, Да что день, то платье переменное». И говорит боярский сын Дюк Степанович: «Давай-ко, Чурила Пленкович, Кто кого перещепит; Да не то у меня на три года, - Будет платья на семь лет». И ударились они о велик заклад Щеголять на три года, Что день, то платье переменное.</p>
39	<p>Говорит молодой Чурила сын Пленкович: «Когда много у него именья-богачества, Ударить с ним о велик заклад, О тридцати о тысячах: Который из нас прощипит ровно три года, Чтобы были в каждый день платья переменная и кони переменные, Чтобы ездить на каждый день к заутрени, к обедни и вечерни». То говорит молодой Дюк Степанович: «Извольте, бейте об заклад великий, Буду щипать три года по городу по Киеву». Ударили они о тридцати о тысячах.</p>
41	<p>Ко этым ко столикам дубовым Подходит Чурилушка Пленкович В одной тонкой рубашечке без пояса, В одних тонких чулочиках без чоботов. Говорил ему Чурила таковы слова: «Что же ты, холопина дворянская, порасхвастался Своим именьям и богачеством? Ударим-ка со мною о велик заклад На три году поры-времени, Чтоб проездить нам по городу по Киеву На добрых на конях богатырских, На себе носить одежицу бы сменную, Сменную одежицу-то каждый день, Каждый день носить одежа снова на ново, Снова на ново да что ни лучшая». Говорит ему Дюк таковы слова: «Просишь ты, Чурила Пленкович, Бить со мною о велик заклад: Как живешь ты в своем стольно-Киеве, Кладовья-то полны одежицы наполнены: А мое ведь дело есть дорожное, Мое платье, стало, здесь завозное». И ударил с ним Дюк Степанович о велик заклад На три году поры-времени, Чтоб проездить им по городу по Киеву На добрых на конях богатырских, На себе носить одежицу бы сменную, Сменную одежицу-то каждый день, Каждый день носить одежа снова на ново, Снова на ново одежа драгоценная.</p>
42	<p>Говорит Владимир стольно-Киевский:</p>

	<p>— Я вижу, что ты молодец захвасливый; Ты ударь с нашим Чурилой о велик заклад, Чтоб вам ехать в чисто поле поляковать, Чтоб на всякой день были кони сменные, Сменные кони переменныи, Снова на нова, все на три года, На три года да еще на три дни, Чтобы в три года такой шерсти не было; Чтоб на всякий день платья были цветныя, Цветныя платья переменныя, Снова на нова, все на три года, И на три года, да еще на три дни, Чтобы в три года такого цвета не было; И в третий день вам итти ко Божьей церкви: Который-то добрее у вас выступить, Другому голова рубить.</p>
49	<p>Говорит Чурило таково слово: «Ой есь, приехал ты, молокососишко! Я куплю-продам тебя одной своей куньей шубой». Бились они с Чурилом о велик заклад: Не об злате, не об серебре, А об своих буйных головах — У которого дороже кунья шуба.</p>
52	<p>И распорил тут Дюк да со Владимиром: «Проношу, говорит, три года платье на обновочку!». И выискалось тут три боярина у Владимира: «Проносим, говорят, и мы три года платье на обновочку!».</p>
57	<p>«Ой ты гой еси, солнышко Владимир-князь! Пускай-то, говорит, она ему пошлёт одежды самоцветные: И кто кого перещеголет будет».</p>
59	<p>А Чурила был завистливый, Говорит он да, верно, таковы слова: «Уж мы будем ходить да в церкви божии, Уж мы будем ходить да все двенадцать дней, И на каждый день чтоб было платье сменное, Платье сменное да переменное». Говорит-то Дюк Степанович: «У меня-де, Чурилушко, платье завозное». А от залога не отказывается.</p>
61	<p>Тогда говорит-то Чурило бладо Клёнковиць: «Уж ты ой еси, Дюк да ты Степановиць! А давай-ко мы с тобой да поровняймсе Кабы тыми-де мы платьём с тобой цветным». Отвечат на то ле Дюк ище Степанович: «У мя здесь ведь платицо дорожноё, Кабы здесь у мя ведь платицо худяшчое. Я пошлю-де за платьём в Нижну Галицу, Привезут-де мне платьё ище цветное».</p>
67	<p>Да тут-то Чурило стало зázорко, Да и сам говорил таково слово: «Да свет государь ты Владимир-князь! Да когда правдой детина похваляется, Дак пусть ударит со мной о велик заклад —</p>

	<p>Щапить-басить по три года По стольнему городу по Киеву, Надевать платья на раз, на дру́гой не перенашивать». Порок поставили пятьсот рублей, — Который из них а не перещипит, Взяти с того пятьсот рублей.</p>
68	<p>Выскакивал дородён доброй молодець, Ишша на́ имё Цюрыло да млáды Плёнковиц; Ишша билса он с Дюком о велик залок<т>, Не о сто бы рублей да не о т́исицы, О своей-то бы буйной гóловы: Да носить-то бы им да платьё цветноё, Да ход́ить-то по праздни́кам во Божью церкофь.</p>
79	<p>А-й приросхвастались тут молоды́ богáтыри. А-й Цюрылушко росхвасталса с Дюком Степановичо(м), А-й юдарылись да о велик же зало(к), О велик же залок, — оп<б> своих буйных головах; И заключили тут они промежду собой ходи(ть) А-й три года ходить, кажн́ый день — платьё сменное.</p>
80	<p>Говорит снова князь Владимир: «Не хочешь ли с нашим Чурилушкой позакладаться? Не об сотнях, не об тысящах, А о буйных головах: Кто лучше оденется в церкву божию?».</p>
81	<p>И говорит уж тут Самсонушко Самойловиц: «И уж как ай же ты, боярин Дюк Степановиц, И уж как станем битъсе об велик заклад, Об великий заклад да на три годицька, Чтобы ходить да нам с тобой во церковь божию И как держать да нам с тобой да цветно платьице, Чтобы лучше и того и цвету не было». И как побились со свет Самсоном о велик заклад, Об велик заклад да й на три годицька. «И как ходить-то нам с тобой во церковь божию, Чтобы кажен день было да платье сменное, Платье сменное, да платье цветное, Чтобы лучше и того и цвету не было».</p>
82	<p>А Чурилушка да сын Пленкович На том молодец да не успокоился, Говорил Чурила таковы слова: «Ай же ты, Владимир стольно-киевский, Ты позволь с боярином мне речь держать. Как умел ты, молодец, повыхвастать, Пусть умеет молодец пови́полнить. Уж ты дай-ко мне прощеньице-благословеньице, Мы побьемся с Дюком о велик заклад, О велик заклад о сорок тысячах, Чтобы строком-времечком на три года Выезжать бы нам вдвоем да во чисто поле, А на каждый бы да на господен день Чтобы конюшки да были сменные, Цветны платьица да были б разные». Тут возговорил боярин Дюк Степанович:</p>

	<p>«Молодой Чурилушка сын Пленкович, Тебе ли-ко ли биться о велик заклад, О велик заклад о сорок тысячах! Ты живешь, Чурилушка, своим двором У своего кормильца ты у батюшка, Табуны гуляют конюшек неезжанных, Кладовы стоят да платьвица неношенных. А мое ли дело несравнимое, Мое делушко есть заезжее, Цветно платьнице да есте завозное. Ну, с тобой, Чурила, я сравняюся». Тут побилися удалы добры молодцы: Молодой боярин Дюк Степанович Да хвастун Чурилушка сын Пленкович.</p>
83	<p>Говорит Владимир стольно-киевский: «Ах ты гой еси, удалый добрый молодец, Молодой боярин Дюк Степанович, Расскажи-тко ты верой-правдою Про своё житьё да про богатство, А покажи-тко ты удаль молодецкую — Чим можешь услужить князю солнышку?». Говорит боярин Дюк Степанович: «А могу я биться о велик заклад, Я ручаюся своей буйной головой: Положим мы на целый год, Только дайте мне поединщика, Чтоб на каждый день Выезжать бы нам во чисто поле, Чтобы конюшки были сменные, Цветны платьвица чтоб на каждый день были разные». Побилиси да заручилиси. (Владимир князь да стольно-киевский Полцарства положил да на ту сторону, А молодой боярин Дюк Степанович Подписал да свою голову.) Подписали этот договор.</p>
85	<p>(Как подумал Чурилушка Щаплёнкович: «Как на ём платьнице все худёшенько, Как на этом Дюку на Степанову».) Говорит Чурилушка Щаплёнкович: «Как послушай-ко ты нуньку пожалуйста, Молодой ты Дюк да Степанович, Как сошьём-ко мы да новы платьция, Как сойдём-то мы да во божью церковь, Как сойдём туды мы ко всеночьной, Ну кто сготовит тут дак получше всех». Как записалисе платье сшить ёны, И притти гим да в церкву божию, Перефорсовати друг друга платьямы.</p>
86	<p>(Приехали ко солнышку Владимиру) И сделали заповедь великую — щапить целый год И всё во сменных во платьницах; Чурилке Щаплёнкову справлять всем Киевом-градом, А Дюку Степановичу своим хозяйством, — Кто кого перещапит, тому и животы останутся.</p>

87	Дюк Степанович и Чурила Поплёнкович Бились о велик заклад, Ходить щापить по городу по Киеву по три году, И на каждый день носить платья сменные.
----	---